

18+

Алла Кречмер

Тайна агатового паука

Алла Кречмер

Тайна агатового паука

«Издательские решения»

Кречмер А.

Тайна агатового паука / А. Кречмер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531590-8

В книге действуют те же герои, что и в романе «Цветы на мостовой», но читается, как самостоятельное повествование. Приключения Майкла, Морстена и Джереми в Лондоне и далёкой Венесуэле; раскрытие старых тайн и криминальные загадки во время путешествия.

ISBN 978-5-00-531590-8

© Кречмер А.
© Издательские решения

Содержание

Сын моего врага	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	30
Глава 11	33
Глава 12	36
Глава 13	38
Глава 14	41
Глава 15	44
Глава 16	46
Глава 17	48
Глава 18	51
Глава 19	54
Глава 20	57
Глава 21	60
Глава 22	62
Глава 23	64
Глава 24	67
Глава 25	70
Глава 26	73
Глава 27	75
Глава 28	78
Глава 29	81
Глава 30	84
Глава 31	86
Глава 32	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Тайна агатового паука

Алла Кречмер

© Алла Кречмер, 2021

ISBN 978-5-0053-1590-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сын моего врага

Глава 1

Декабрь 1888 года

Корабль «Сент Джордж» шел обычным рейсом из Южной Америки в Ливерпуль. Он пересекал Атлантический океан с юго-запада на северо-восток. Стояла спокойная для этого сезона погода, немного ветреная и прохладная, но не штормовая, поэтому пассажиры, плывущие в Европу, не отказывали себе в прогулках по палубам и ежевечерних развлечениях.

В каютах первого класса качка почти не ощущалась, а роскошь окружающих интерьеров вкупе с предупредительностью obsługi невольно заставляли сравнивать их с антуражем и сервисом лучших лондонских отелей.

Ясно, что беднякам было не по карману воспользоваться услугами первого класса, однако общество, собиравшееся в ресторанном зале, состояло из людей, не столько знатных, сколько богатых, иногда настоящих южноамериканских нуворишей, поэтому роскошь, предоставленная им на корабле, оплачивалась по высшему разряду.

Пара-тройка представителей лучших, но обедневших фамилий Британии чувствовала себя неуютно на фоне безудержного швыряния деньгами, которые позволяли лопающиеся от капиталов латиносы.

А те в свою очередь завидовали аристократической утонченности поведения и родовитости дворян, но за эти же качества их и презирали.

В ресторане эти группы сидели порознь и никак не соприкасались.

Аристократы бледнели на фоне второй группы, поэтому мы не будем упоминать о них и к нашему повествованию они не имеют отношения

С некоторыми представителями второй группы мы познакомим читателя.

Самым богатым и весомым из латиносов был Антонио Гарсиа, сорокалетний гиперстеник, абсолютно не комплексующий по поводу своего непомерно толстого живота, любитель жирного мяса и спиртных напитков, из которых более других выделял текилу. Антонио сделал себе состояние в Бразилии на спекуляции земельными участками под кофейные плантации, не брезговал работорговлей, (напоминаю, что это позорное явление будет отменено только в следующем 1889 году).

Торговлю землей или рабами сеньор Гарсиа не скрывал, да, по правде говоря, ему и в голову не приходило скрывать или стыдиться подобных занятий, однако существовали и тайные источники обогащения этого «уважаемого» сеньора. Ходили слухи, что дон Гарсиа по уши влез в спекуляцию драгоценными камнями и вошедшую в моду торговлю наркотиками, но ни подтвердить, ни опровергнуть эти слухи никто не мог.

Одевался сей экземпляр в строгие английские костюмы, сшитые на заказ у самых модных портных, а на голову нахлобучивал неизменное сомбреро, изготовленное лучшим мастером из Каракаса.

На толстых пальцах Гарсиа сверкали бриллианты, при этом их подбору позавидовала бы любая капризная американская миллионерша. А на шее возлегал золотая цепь, на которой можно было водить на прогулки некрупного дога.

Сеньор Гарсиа везде появлялся в сопровождении троих молодых людей, постоянно молчащих и дышащих в затылок шефу. Их род занятий нетрудно было определить по внешнему виду – головорезы.

Багаж, принадлежащий Гарсии, был самым большим, да и каюту он занимал лучшую. Он коротал вечера за картами, но, впрочем, иногда оставлял это занятие для того, чтобы послушать страстные любовные романсы, которые исполняла молодая певица Пилар Каварубия, пересекающая океан впервые в жизни – ей предстояли гастроли в Великобритании.

С момента ее появления на палубе корабля, знойная мексиканская красота девушки притягивала всеобщее внимание, и даже чопорные англичане замолкали при ее появлении и приветливо раскланивались. Ей минуло двадцать восемь лет, она родилась в бедной семье, и совершенно ясно, что путь на сцену обладательницы красивого сильного голоса отнюдь не был усыпан розами.

Красавица оказалась не только талантливой, но и упорной в достижении цели. Ее не смущали неудачи – она твердо шла вперед. Фортуна улыбнулась ей пять лет назад с появлением в ее жизни Энрике Маркоса, успешного импресарио. Он много разъезжал по странам Латинской Америки в поисках талантов и однажды в одном из ресторанов Мехико разглядел в молодой певичке, вульгарной и безвкусно одетой, будущую звезду.

Он увез мексиканку в Венесуэлу, где проживал постоянно. Там он занялся образованием Пилар, оплатив уроки вокала и сценического мастерства у лучших преподавателей Каракаса. К сожалению, оперной певицы из Пилар не получилось: девушка откровенно скучала, разучивая арии и вокализы. Ее дебют в роли Керубино оказался неудачным, но потенциальная звезда обладала другим, не менее ценным даром – вытягивать слезы из слушателей при исполнении сентиментальных песенок и томных любовных романсов.

Сообразительный импресарио поставил этот дар себе на службу, и скоро Каракас, а потом и вся Венесуэла пали жертвами чарующего пения сеньориты Каварубия. Она появлялась на сцене в черном платье с одной –единственной красной розой, приколотой на корсаже, и в свете рампы пела томным контральто:

– Черны мои кудри, как знойная ночь;
Горячего юга я страстная дочь.
(Густаво Адольфо Беккер).

Публика носила на руках сеньориту Пилар, и вскоре Энрике Маркос организовал гастроли певицы по всей Южной Америке и Мексике. Имя ее стало известно в большинстве испаноговорящих стран, но пришло время, и честолюбивый импресарио решил с помощью золотого голоса Пилар покорить Европу.

Организовать поездку латиноамериканской звезды оказалось непросто, но сеньор Маркос воспользовался старыми связями, и совершенно неожиданно появилась возможность показать экзотическое дарование в чопорной Великобритании. После заключения контракта импресарио и певица вступили на палубу парохода, плывущего в Европу.

Пилар Каварубия впервые в жизни пересекала океан, поэтому с самого начала морского путешествия находилась в состоянии радостного возбуждения. Новые люди, новые города, новые страны, а теперь и новый континент – она и не мечтала об этом, исполняя простенькие песенки в кабаках Мехико. Пилар занималась любимым делом в жизни – она могла часами тренироваться, разучивая какой-нибудь сложный вокализ, поэтому славу и восхищение зрителей воспринимала, как закономерную награду за свой упорный труд.

Узнав, что на корабле находится сама Пилар Каварубия, пассажиры мигом превратились в ее страстных поклонников. Сеньорита оправдывала их надежды и никогда не отказывалась спеть в корабельном салоне. Ее пение украшало вечерние посиделки, а поклонники соревновались за право ухаживать за прелестной молодой дамой.

И здесь отличился Антонио Гарсия: он буквально преследовал Пилар, осыпая ее цветами и подарками, и несколько раз при каждом удобном случае заводил разговор о своей страстной любви, а заканчивал неизменными предложениями руки и сердца.

Лукавая красавица, принимая ухаживания толстого нувориша, держала его на коротком поводке, не говоря ни «да», ни «нет», но и не лишая последней надежды.

Глава 2

На третий день плавания несравненная Пилар с изумлением обнаружила, что не вся мужская половина поддалась ее чарам – нашелся истукан, не обращавший на нее никакого внимания. Это обстоятельство и позабавило, и рассердило гордую красавицу, и она невольно обратила свои взоры на упрямца.

Молодой человек был чудо, как хорош: высокий рост, гордая осанка, правильные черты лица, густые каштановые волосы. Кожу незнакомца покрывал легкий южноамериканский загар, через который проглядывал нежный румянец. Он не поднимал глаз на Пилар ни во время ее выступления, ни в ресторане, ни в часы прогулки по палубе, где ее, как правило, окружали поклонники.

Ей же страстно хотелось почувствовать на себе его заинтересованный взгляд и узнать, наконец, какого цвета у него глаза.

Красавец держался в стороне от всех, не стремясь к общению и к новым знакомствам. Он не выглядел мизантропом, наоборот, был предупредителен и вежлив с окружающими, однако пустую дорожную болтовню не поддерживал, а большей частью запирался в номере или сидел на палубе в одиночестве, покуривая трубку.

О чем он раздумывал, обозревая широкую гладь океана, никто не мог сказать, ведь для всех он оставался незнакомцем, ничего не рассказывающим о себе.

Пилар заметила, что молодой человек разговаривал по-испански с акцентом. Она решила, что он англичанин. В пользу этой догадки говорили природная сдержанность характера молодого джентльмена; холодность и отсутствие эмоций, а, кроме того, привычка пить чай в пять часов. Она где-то читала, что «файф-о-клок» – священное для англичан время, отведенное чаепитию, и этот неистребимо, как «сиеста» для ее соотечественников – здесь, на корабле, вдали от родных берегов, они по-прежнему придерживались этого обычая, и в самые жаркие дневные часы на палубах не было видно ни одного латиноамериканца. Пилар тоже предавалась приятному ничегонеделанию с двух до четырех пополудни.

Уязвленная преступным невниманием к своей особе со стороны незнакомца, красивая мексиканка поставила себе целью завоевать упрямца, поэтому с постоянной частотой возникала у него на пути. Иногда она казалась ему раздражающей помехой, он отворачивался при виде назойливой дамы, но не пытался сделать ей замечание. Пилар поняла тщетность попыток обратить на себя внимание: молодой джентльмен продолжал проводить время в одиночестве.

Пилар удалось узнать имя: красивого малого звали Майкл Уиллоуби, англичанин, двадцати пяти лет от роду, неженат – другими сведениями команда корабля не располагала.

Однажды Пилар сама попыталась заговорить с ним, но, поскольку прежние опыты непременно проваливались, то придумала беспронижительный, по ее мнению, ход: проходя мимо столика, за которым сидел Майкл, она как бы случайно задела широкой юбкой пепельницу и смахнула ее содержимое ему на брюки. Майкл немедленно вскочил, вытирая пепел с колен, и с неудовольствием посмотрел на Пилар.

– «А глаза у него цвета чая или темного пива», – отметила про себя мексиканка, вспомнив о недавней мечте – узнать, каков цвет глаз у незнакомца.

Хитрая девица изобразила раскаяние, смущение, а потом попросила прощения, немилосердно коверкая английский язык.

Неправильность построения фраз резанула ухо Уиллоуби, и неудовольствие в его взгляде возросло многократно, но, поджимая губы в тонкую нитку, он выдал из себя нейтральное:

– Ничего страшного, мисс.

Майкл удалился в каюту, чтобы привести себя в порядок, а Пилар праздновала первую маленькую победу.

Свидетелями этой сцены стали несколько человек, и один из них, а именно Антонио Гарсиа, сумел сделать правильные выводы.

Вечером, как обычно, в пассажирском салоне собралось немногочисленное общество, и сеньорита Каварубия спела только две песни, сославшись на отсутствие настроения. Она закончила выступление и уселась в углу старинного дивана за ломберным столиком, где принялась раскладывать пасьянс «Могила Наполеона».

У рояля друг друга сменяли аристократы, поочередно восклицая:

– Ах, Бетховен – это гениально! Ах, Моцарт – это божественно! Ах, Штраус – это современно!

Уиллоуби не появлялся, а толстый Антонио Гарсиа предавался любимому занятию – чревоугодию или, если отбросить высокий штиль, попросту обжирался. Он глотал целиком печенье с большого блюда, стоящего в пассажирском салоне. Прикончив последний кружок и оглядев в недоумении пустую посудину, Гарсиа стал искать какое-нибудь другое занятие.

Он заметил скупающую в одиночестве Пилар и подсел к ней, а вскоре за ее столиком собралось несколько человек, погрузившихся в тайны бриджа. Сама певица тоже не гнушалась делать ставки, игра ее захватила, и она стала выигрывать.

И в это время Гарсиа произнес сакраментальное:

– Сеньорита, а ведь кому везет в карты, тому в любви не повезет.

Если бы он мог знать, к каким последствиям приведет невинная на первый взгляд фраза...

Мексиканка насторожилась:

– Что Вы имеете в виду, сеньор Гарсиа? Вы намекаете на себя?

– Отнюдь, моя прелесть, – улыбнулся толстяк, тасуя колоду, – Мне везет и в карты, и в любви, и в конце концов я получаю все, что хочу. А Вы, кериды, по-моему, делаете напрасные телодвижения, пытаетесь соблазнить этого гринго.

Все замерли, привлеченные сказанным, а Энрике Маркос обернулся к нему и сказал с явным неудовольствием:

– Послушайте, любезный, я не позволю Вам наговаривать на свою подопечную.

– А кто наговаривает? – поднял брови Гарсиа. – Все видят, как она бежит за этим лопающимся от гордости англичанином.

Пилар покраснела и потупила взор.

– А Вы, красавица, не расстраивайтесь, – продолжал Гарсиа, – Не каждую реку можно переплыть.

Его телохранители хихикали за спиной, а Энрике Маркос беспомощно разводил руками.

Пилар почувствовала себя уязвленной подковырками Гарсиа, отстранением импресарио и жадным любопытством остального общества.

– Сеньор Гарсиа не верит в то, что я могу покорить любого мужчину? – спросила Пилар, гордо вскинув голову. – Вы забываетесь, любезный. Да мои поклонники соревнуются за право целовать мои следы.

– Может и так, – парировал кабальеро. – Но англичанин не спешит становиться в очередь с остальными.

– Будет! – перебила красавица, – И он будет моим поклонником. И начнет любой знак внимания с моей стороны, радоваться незначительной мелочи, легкой улыбки, одобрительному кивку.

– Что ж, увидим! А я готов поспорить, что ничего у Вас не выйдет, дорогая, и Вы явитесь с повинной к верному Гарсиа.

Публика насторожилась – запахло скандалом, но мексиканка, задетая за живое, потеряла способность рассуждать.

– А я спорю, что еще до конца пути завоюю англичанина, – воскликнула она.

Гарсиа развел руками.

– Ну, если это случится, я отдам сеньорите перстень с алмазом в три карата. А если сеньорита проиграет... Впрочем, у меня еще есть время придумать свое желание.

Пилар и Гарсиа пожали друг другу руки, а Энрике Маркос торжественно их разрубил. Спор немедленно вступил в силу.

Глава 3

Майкл Уиллоуби не подозревал о разгоревшихся вокруг его особы нешуточных страстях. Он, как обычно, коротал послеобеденные часы в пассажирском салоне, листая книги из корабельной библиотеки.

Со времени гибели Берты прошло больше года, но ни двухмесячное тюремное заключение, ни путешествие на край света, ни успехи в делах не могли вытеснить из памяти подробностей трагедии, и Майкл мысленно возвращался к ним и все больше убеждался, что за прошлыми событиями стоит Морстен.

Частный детектив Хиттон докопался, что убийца, проклятый Уильям, прибыл восьмичасовым поездом на станцию. Так почему бы не предположить, что на этом же поезде приехал и Морстен, и его громилы. Тогда напрашивается вывод, что Морстен присутствовал во время убийства, а, возможно, и руководил им.

Суд пропустил этот факт, но Майкл, как заинтересованное лицо, заметил явную нестыковку. К тому же без приказа господина Уильям бы и пальцем не пошевелил, это Майклу было известно наверняка. И именно Морстену Уиллоуби был обязан тем, что его запихнули в тюрьму на два месяца.

Для воплощения гениальной идеи, рожденной в криминальном мозгу выпускника Оксфорда, местного констебля заманили в дом, зная наверняка, что Берта уже мертва, а вернувшегося немного раньше Майкла найдут рядом с убитой. То, что Майкл по недомыслию схватился за нож, чтобы вытащить его из раны, стало королевским подарком для заклятого соперника.

Майкл полагал, что рано или поздно он рассчитается с «безутешным вдовцом» за все – за то, что он безжалостно приговорил Берту; за то, что Майкла едва не отправили на виселицу; за то, что этот подонок растоптал их будущее.

Мысли Уиллоуби переключились на Барнета. Как ни крути, а Джереми он обязан жизнью: его непременно засудили бы, если бы Барнет не подсуетился и не нанял Хиттона, этого гения сыска, нашедшего истинного убийцу. А поездка, организованная тем же Барнетом, вернула Майкла к жизни.

На ближайшую субботу был назначен бал «Чудо Атлантики». С утра среди пассажиров первого класса царил оживление – все только и говорили о предстоящем празднике. Тема казалась настолько животрепещущей, что даже обедневшие, но не растерявшие гонор, аристократы снизошли до бесед с латиноамериканскими нуворишами, обсуждая предполагаемую программу и подробности нарядов.

Никто не сомневался, что сеньорита Каварубия станет королевой бала, и армия ее поклонников готовилась чествовать несравненную. А прекрасная мексиканка имела свои виды на праздник – она намеревалась пустить в ход тяжелую артиллерию для завоевания красивого англичанина.

План был прост – пригласить его на танец, завязать разговор, по возможности затащить к себе, ну а против ее поцелуя еще никто не устоял.

Антонио Гарсиа никаких особых планов не строил – он и в обычные дни досаждал Пилар несносными ухаживаниями, и на балу не собирался делать исключение. В бриллиантах и сомбреро он был неотразим – по крайней мере, он так о себе думал, а это означало, что сеньорита Каварубия просто обязана ответить на его пылкие чувства.

Пассажирский салон преобразился: ярко освещенный зал был украшен шелковыми лентами белого, голубого и ультрамаринового цветов – по замыслу устроителей, символизирующими морские волны. Между ними размещались позолоченные бумажные фигурки рыб и медуз, подвешенных на тонких нитях. Официанты, одетые в стилизованную морскую форму, подносили угощение и напитки.

И только музыканты не сменили элегантные концертные костюмы на одеяния, связанные с морской тематикой, да этого от них и не требовалось.

Нарядные пассажиры собрались в зале. Дамы сверкали драгоценностями и обмахивались веерами, а джентльмены чинно приветствовали друг друга и спешили взять с подноса предлагаемый аперитив. Пришли офицеры, свободные от вахты, одетые в парадные мундиры, а также сам капитан – именно он открыл бал, произнес короткую речь, а потом пригласил на танец одну из уважаемых пассажирок.

Сеньорита Каварубия опоздала к началу бала – она появилась лишь к концу второго танца. Дива вплыла в бальный зал, гордо неся голову, украшенную замысловатой прической, и взоры обратились в ее сторону. Поклонники расступались перед ней, приветствуя и начиная ревновать. А сеньорита купалась во всеобщем восхищении и чувствовала себя берсеркой перед боем.

На ней было шелковое платье изумрудного цвета, спадающее мягкими складками; бриллиантовое кольцо украшало стройную шею красавицы. Ее сопровождал импресарио, готовый на этом балу исполнить роль ее телохранителя.

Не успела Пилар как следует осмотреться и поискать в толпе намеченную цель, как к ней подлетел Гарсиа и немедленно пригласил ее танцевать. Этого и следовало ожидать, ведь надоедливый поклонник следовал за ней по пятам, шумно дыша и задевая всех своим сомбреро. Танцевать с ним было одно мучение – незадачливый кавалер отдал своей партнерше ноги, и она поморщилась от боли.

Глава 4

Майкл Уиллоуби заглянул в зал в то время, когда Пилар, наконец, избавилась от Гарсиа – ее увел в другую часть зала верный импресарио – и затерялась среди танцующих. У него не было ни планов, ни надежд, связанных с балом – скорее, любопытство привело его сюда. Он не собирался танцевать, но и сидеть одному в каюте надоело до тошноты, и новоявленный Чайльд – Гарольд не без интереса наблюдал, как веселятся другие.

Постепенно он обнаружил в себе нарастающие признаки раздражения, и его ум, привыкший к анализу окружающих явлений, стал искать причину.

Вскоре стало ясно, что его донимает назойливый грубый голос, звучавший немного громче остальных, словно обладатель сего поставил перед собой задачу перекричать всех.

Майкл обернулся и поискал глазами говорившего – им оказался Гарсиа. Внезапно до него дошло, что толстяк перемывает ему кости и ставит его имя рядом с какой-то Пилар – Уиллоуби сообразил, что речь идет о смазливой певичке, плохо знающей английский. Он удивился людской жажде сплетен, ведь он не обращал на эту сеньориту никакого внимания и даже почти не замечал.

А Гарсиа прошелся насчет «нации чопорных лавочников», в жилах которых течет «рыбья кровь». Этого Уиллоуби уже не мог вынести: он почувствовал в себе признаки нарастающего гнева и намеревался, наплевав на этикет, поговорить с наглым злопыхателем по-мужски, но в эту минуту латинос умолк и направился к сеньорите Пилар, неосторожно показавшейся из толпы.

Майкл видел, как испугалась знойная красавица при приближении Гарсии, как беспомощно она оглядывала окружающих в поисках защиты, но охотников связываться с грозным мачо не находилось.

Распоясавшийся кабальеро картинно пригласил девушку на танец, в его облике чувствовалось кривляние, словно этим приглашением он хотел унижить даму, дать понять, что она никто по сравнению с толстым нуворишем. Казалось, еще немного, и он насильно вытащит Пилар в круг танцующих.

Этого Майкл допустить не мог – он просто обязан хлопнуть по носу зарвавшегося нахала. Майкл подошел к сеньорите одновременно с Гарсиа и вежливо пригласил Пилар на танец. Его сдержанные манеры резко отличались от грубости латинского обожателя.

Пилар одарила Уиллоуби благодарным взглядом и протянула руку, избавившись на время от притязаний мачо.

Они вошли в центр зала, и окружающие невольно залюбовались красивой парой. Зазвучал вальс: Майкл обнял талию своей партнерши, а она с готовностью положила руку ему на плечо. Они танцевали слаженно, как будто ветерок носил их по залу. От быстрых движений развевались волосы и легкие складки платья Пилар, а она радовалась тому, что не напрасно пришла на бал.

Несколько раз она пыталась обратить на себя внимание Майкла, но молодой человек смотрел куда-то в сторону, и ей не удалось заговорить с ним. Танец закончился – к Пилар подошел Энрике Маркос, а Уиллоуби откланялся и исчез в толпе.

Он вышел на палубу, решив про себя, что на сегодня приключений достаточно, пора идти спать, а Гарсиа получит свое немного позже. Но далеко уйти ему не удалось: оскорбленный мачо поджидал обидчика со своими «гориллами», причем вид у последних был такой, словно они намеревались отыгаться на нем за давнее поражение «Непобедимой Армады».

Майкл вздохнул: видно, от судьбы не уйдешь, ведь, если суждено состояться драке, то она обязательно состоится, и шагнул навстречу новым приключениям. В детстве он прошел хорошую школу в своем бедном квартале, когда одному приходилось противостоять одному,

двум, а то и трем чужакам, более старшим по возрасту. Тогда он понял, что в схватке не всегда побеждает грубая сила, поэтому охотно последовал совету Джереми и начал учить приемы классической и японской борьбы.

Надо полагать, мачо был другого мнения – он яростно размахивал кулаками и вынул нож из кармана на первой же минуте схватки. «Гориллы» последовали примеру хозяина, но Майкл поставил подножку одному, заломил руку другому и нанес удар в пах третьему.

На шум драки выбежали люди. Боцман засвистел, и матросы растащили дерущихся. Бал стихийно прекратился; капитан появился, чтобы узнать, в чем дело, а затем упрекнул обоих джентльменов в испорченном вечере.

– Простите, капитан, я действительно погорячился, – смиренно проговорил Майкл, – Но я не мог сдержаться, потому что эти негодяи неподобающим образом вели себя с дамой.

Он ощутил на себе взгляд Пилар, понимающий и благодарный, словно державший на прицеле, и смутился. Тем временем публика стала расходиться: Гарсия и компания покинули палубу в сопровождении матросов, и Майкл повернул было в направлении своей каюты, но его остановила Пилар.

Она положила руки ему на плечи и обняла, как это делала немногим раньше, когда они танцевали вальс, и медленно, но неотвратно стала приближать губы к его губам. Музыка, продолжавшая звучать в салоне, вдруг окрасилась новыми красками, которые преображали простые ноты в предчувствие страсти и, казалось невозможно сопротивляться этой силе. Майкл, словно очнувшись от гипноза, вздрогнул и отстранился. Он убрал ее руки и дерзко сказал:

– Я не собираюсь становиться Вашим поклонником, сеньорита. Мне нравятся совсем другие песни.

Он сказал это по-английски, но Пилар поняла. Майкл откланялся и ушел, а она с досады сломала свой новый ни в чем не повинный веер.

Глава 5

Пилар не принадлежала к тем людям, которые впадают в отчаяние после первой неудачи. Она вернулась в зал и от души повеселилась до самого закрытия бала. Утром сеньорита Каварубия не вышла к завтраку и пила утренний кофе у себя в каюте. Впрочем, в обеденном зале было пусто, и даже Майкл, привыкший к одиночеству, почувствовал себя неудобно. Наскоро выпив чай со сливками, он отправился на палубу.

Стояла жаркая погода – корабль шел параллельно берегам Африки. Майкл уселся в шезлонг и достал книгу – это был любовный бред, написанный по-испански. Он прихватил этот том, чтобы немного попрактиковаться в чтении, но не осилил и до середины.

Внезапно на страницу упала тень, и Уиллоуби, подняв голову, увидел сеньориту Каварубия.

– Скучаете в одиночестве, мистер Уиллоуби? – спросила Пилар. – Не хотите ли Вы прогуляться со мной по палубе?

– Неужели Вам не с кем гулять, сеньорита? – удивился Майкл.

Он почувствовал знакомое раздражение, связанное с ее присутствием, ведь не далее, как вчера, он объяснил ей, что не намерен поддерживать знакомство. И если она не поняла, он повторит то же самое на ее родном языке.

Он повторил – упрямица не отставала.

– А я хочу с Вами, – настаивала она и в нетерпении потянула Майкла за руку.

Он сделал вид, что не заметил ее жеста, и холодно посмотрев на нее, четко произнес:

– А я не хочу.

Ее ладонь повисла в воздухе – этого быть не может, чтобы кто-то пренебрег прекрасной сеньоритой Каварубия. Это неслыханно!

Уиллоуби же посчитал разговор законченным и снова уткнулся в книгу. А обескураженная Пилар обнаружила, что немногочисленные пассажиры, прогуливающиеся на свежем воздухе, с интересом наблюдали за ними.

Прижав ладони к пылающим щекам, сеньорита убежала, провожаемая взглядами любопытных. В этот момент она ненавидела Уиллоуби и, если бы это было возможно, без колебаний столкнула бы в волны занятого собой красавчика.

Как он мог! Он поставил ее в смешное и унижительное положение – она, несравненная Пилар Каварубия, выпрашивает знак внимания у мужчины!

И эти понимающие взгляды пассажиров! А дамы! С каким злорадством и осуждением они переглядывались, поджимали губы и радовались неудаче Пилар.

И только в каюте красавица успокоилась: во что бы то ни стало она добьется своего, и этот тип упадет к ее ногам, как многие другие до него, а она ухнет очередной победой. Кроме того, выигрыш в споре принесет ей дорогое кольцо.

Вечером в пассажирском салоне снова звучал рояль; публика наслаждалась пением сеньориты Пилар. А она превзошла себя, с чувством исполняя весь свой репертуар, срывая аплодисменты. Гарсиа сидел в углу с распухшей щекой, время от времени прикладываясь к стоящей рядом бутылке рома. После вчерашней драки он оставил сеньориту в покое, не докучал комплиментами и ухаживаниями, однако обиженный мачо считал свое отступление временным. В конце концов, спор – есть спор, и напрасно он вчера сорвался. По правилам, он должен дать сеньорите шанс и не мешать ей «охмурять» англичанина, но как же трудно ему преодолеть проклятую ревность!

Гарсиа обернулся и увидел Уиллоуби, как говорится, помяни черта. Вчерашние драчуны холодно посмотрели друг на друга и преувеличенно вежливо раскланялись. Англичанин уселся неподалеку и устремил взор на Пилар.

Он признался себе, что был несправедлив к сеньорите: она и поет неплохо, и на сцене держится уверенно, и вообще она, несомненно, талантлива. Он охотно заплодировал ей, когда она закончила петь что-то страстное, латиноамериканское.

Появление англичанина не ускользнуло от Пилар: она заметила, с каким вниманием он слушает ее пение и как неотступно следит за ней глазами. С одной стороны это порадовало – медленно, но верно он поддается ее чарам, а с другой...

Внезапно все ее существо охватила горечь оттого, что чаша унижений, испитая ею по вине Уиллоуби, оказалась слишком тяжела.

Справившись с волнением, Пилар запела томным грудным голосом:

– «Прощай, любовь моя,
Забудь меня, забудь.
Ты видишь, что иной
У нас с тобою путь.»

Она посмотрела на Уиллоуби столь проникновенно, что он вздрогнул.

– «Я больше не твоя,
И ты уже не мой.
Прощай, любовь моя...»

По ее лицу текли слезы, голос дрогнул и, не выдержав волнения, она зарыдала и выбежала из салона, не закончив пения.

На мгновение публика замерла, повисла напряженная тишина, и вдруг Уиллоуби заметил, что все присутствующие один за другим оборачиваются в его сторону и смотрят на него. Он ощутил, как вокруг него сгущается атмосфера осуждения, и вскоре уже не смог выдержать нарастающего напряжения. Майкл вскочил со своего места и быстро, не говоря ни слова, вышел на палубу.

Он понял, что Пилар добилась своего – она привлекла остальных пассажиров на свою сторону, вызвала их сочувствие. Не удивительно, что Майкл в их глазах выглядит чурбаном. Завтра они прибывают на Канарские острова, так, не лучше ли там покинуть этот корабль, где ему прохода не дает любвеобильная сеньорита, и позабыть это путешествие, как дурной сон? Но вот беда – ждать другое судно придется долго.

Ему вовсе не импонировала роль добычи – во всех своих романах Майкл выбирал только роль охотника, и инициатива всегда была его. Назойливость мексиканки не имела шансов найти отклик в его сердце.

Майкл яростно вдыхал прохладу морского воздуха, ощущая, как долгожданный покой наполняет его душу. Мириады звезд зажглись в тропическом небе, напоминая о вечном.

Раздался легкий шорох, и Майклу показалось, что на палубе находится еще кто-то. Он обернулся, и в самом дальнем конце на баке заметил согбенную фигуру Пилар. Издали она выглядела такой маленькой и беззащитной среди огромного океана, что Уиллоуби невольно двинулся ей навстречу.

Мексиканка тихо плакала, вытирая набегавшие слезы кружевным платком. Погруженная в свои мысли, она не заметила Майкла.

– Мисс Пилар! – позвал он, остановившись в нерешительности.

Она медленно подняла на него взор, полный слез, и Майкл неожиданно для себя заключил ее в объятия. Пилар прижалась к нему, продолжая всхлипывать. Она как будто искала поддержки в преодолении жизненных невзгод, и обескураженный Майкл, отведя ладонью волосы с ее заплаканного лица, стал искать ее губы.

Эта обескураженность преследовала его и утром, когда на рассвете он выходил из каюты прекрасной южанки. Он так до конца и не понял, покорился ли он чужой воле или действовал в соответствии со своей. Да, наверное, не было однозначного ответа на этот вопрос.

С другим вопросом Майкл разобрался сразу: спросив себя, как он относится к Пилар, он незамедлительно ответил отрицательно.

Он согласился с тем, что в ней есть некоторая притягательность, но недостатков он обнаружил больше, чем достоинств, а если молодой человек откапывает недостатки в интересующей его барышне, то можно спорить на что угодно, любви здесь не получится.

И в то же время льстило, что такая яркая красавица, обремененная талантом, обратила на него внимание, но и только. Сеньорите Каварубия не удалось затронуть некие потаенные струны его души, которые он сам считал мертвыми.

Глава 6

Впервые за неделю путешествия строгое уединение Майкла было нарушено: за завтраком к нему подседа сеньорита Каварубия и, мило поздоровавшись, попросила официанта переставить ее прибор. Она вопросительно посмотрела на Уиллоуби, но тот отнесся к нарушению текущего порядка вещей невозмутимо и, казалось, остался доволен.

Окружающие, будучи свидетелями вчерашних слез, проявили интерес к перемене отношений между красивым англичанином и звездой сцены. Они, как водится, втайне сплетничали – во всяком случае роман между ними внес нечто новое в обыденность и скуку длинного путешествия.

Обрадованные появлению новой темы для разговоров, пассажиры передавали подробности из уст в уста. Надо ли удивляться тому, что в конце людской цепочки их рассказы приобрели фантастические черты.

Один лишь Гарсиа остался недоволен произошедшими переменами, ведь из-за неожиданного поворота любовной истории он проиграл спор и вынужден был при свидетелях отдать сеньорите красивое дорогое кольцо с бриллиантом в три карата.

Кроме материальных, толстый мачо понес и моральные потери: роман Пилар и Майкла отодвигал его притязания на неопределенный срок. Гарсиа уже подумывал о реванше в драке, но быстро сообразил, что симпатии публики в настоящий момент находятся на стороне ново-явленной пары, и его махание кулаками будет воспринято отрицательно. К тому же проклятый англичанин владеет приемами.

Была еще одна причина, о которой Гарсиа предпочитал не распространяться, и именно она послужила главным заслоном в причинении физических травм другому физическому лицу.

Гарсиа направлялся в Лондон не просто так – он вез пробный груз контрабанды, удачный сбыт которой обещал ему невиданные барыши. Ему не нужен был скандал, поэтому нервный мачо успокоился до поры, до времени.

Во второй половине дня, ближе к вечеру, когда декабрьское солнце уже клонилось к закату, корабль наконец-то бросил якорь в Лас-Пальмасе – небольшом, но оживленном портовом городе, расположенном на острове Гран Канария.

Отправление было назначено на утро, и пассажиры, уставшие за период плавания, не скрывали радости, ступив на твердую землю. Почти все, порознь и группами, вышли в город, намереваясь сделать нужные и ненужные покупки в портовых лавках и на местном рынке, и новая пара не составила исключения.

Майкл и Пилар счастливо смеялись, покупая разные мелочи в лавочках на главной улице; любовались фонтаном на площади и кормили чаек на набережной. Несмотря на декабрь, погода стояла теплая, даже какие-то цветы цвели, а птицы, прилетевшие на зимовку из далеких заснеженных стран Европы, давно освоились и отдохнули после перелета и теперь наполняли атмосферу городка щебетом и пением.

Зайдя в небольшую таверну, молодые люди облюбовали столик на веранде, обвитой виноградной лозой, и заказали паэлью. Принесенное блюдо оказалось слишком острым для Майкла и пресным для его спутницы – на родине сеньорита привыкла к жгучим добавкам.

Пилар, находясь в восторженном настроении, без умолку болтала о предстоящих гастролях, строила

планы покорения Лондона и завоевания симпатий местной публики. Майкл терпеливо слушал, иногда вставляя слово между ее тирадами. Сеньорита обещала пригласить его на премьеру, и Майкл искренне поблагодарил ее.

Зимние сумерки опустились на остров. Расплатившись за ужин, Майкл и Пилар вернулись на корабль. Тускло горели фонари, и свет их таял в тумане. Океан темнел вдали, и только набегавшие на берег волны бились о камни.

Оставшись один и поразмыслив над событиями этого длинного дня, Майкл почувствовал беспокойство: Пилар строила планы на будущее так, словно он стал ее собственностью, и она, как хозяйка, может подвинуть или задвинуть эту собственность, а то и выбросить за ненадобностью. Тысячи голодных кошек завывали у него в душе – вот так вляпался! Деятельная и расчетливая подруга не вызывала в нем ни симпатии, ни сочувствия. В то же время он не сомневался в искренности ее слов, и это было еще хуже: красавица-мексиканка привыкла подчинять поклонников своему диктату, и у Майкла не осталось шансов переделать ее на свой лад, да и удастся ли это кому-нибудь? Подумав, он смирился.

– После смерти Берты я разуверился в себе – это был ужасный год! Наверное, я должен благодарить Пилар за то, что она вернула меня к жизни – да, именно так и не иначе! И в отношении ее планов тоже не надо дергаться – жизнь порой ломает и не такие планы.

Он понимал, что его сердце зажалось в паутине горечи. Оно было подобно распахнутой настежь двери, и первой рискнувшей заглянуть в нее, оказалась сеньорита Пилар. Она стала нежеланной гостьей в его жизни, но пока он снова не рухнул в опасную пучину воспоминаний, он будет с ней вежливым и предупредительным. Оставшиеся от путешествия дни Майкл и Пилар были заняты друг другом, не обращая внимания на общество. Их роман приближался к вершине, а плавание к концу.

К вечеру двадцать третьего декабря корабль вошел в Ливерпуль. Прямо из порта Майкл и Пилар со своим импресарио поспешили на поезд, следующий в Лондон. Впрочем, отошедший на второй план Гарсиа поступил точно так же.

Барнет получил телеграмму Майкла о скором приезде и, начиная с двадцатого декабря каждый день ездил на вокзал к прибытию экспресса из Ливерпуля. На этом настаивала миссис Томсон, да и сам он соскучился по своему «блудному» воспитаннику.

Вот и сегодня Джереми стоял под вокзальным навесом, прячась от непогоды, и рассматривал вновь прибывших пассажиров. При мысли о Майкле в сердце просыпалась тревога, ведь, судя по его письмам, мальчик все еще находился в подавленном состоянии, и Барнет понятия не имел, как переломить это. Кроме того, не было ясности в их деловых отношениях, и, если Майкл решит продолжить их совместный «бизнес», то пусть забудет о переживаниях, иначе это повредит делу.

Каково же было его изумление, когда в толпе пассажиров, спускавшихся с перрона на привокзальную площадь, он заметил красивого, загорелого, улыбающегося Майкла в компании нарядной красавицы, по виду латиноамериканки. Девушку сопровождал строгий господин в сером пальто, да носильщик толкал перед собой тележку с багажом.

Барнет окликнул Майкла, и тот радостно кивнул в ответ, а затем поцеловал руку девушке и громко спросил:

– Так ты остановишься в отеле «Ковент Гарден»?

– Да. И я оставлю контрамарку у портье, – промолвила девушка на ломаном английском. А ее сопровождающий в сером пальто окликнул кэбмена.

Они раскланялись, и Майкл покинул кутающуюся в меха красавицу и ее спутника. Он радостно обнял озябшего от долгого ожидания опекуна.

– Я вижу, ты в полном порядке, – кивнул Барнет в сторону красотки.

Майкл встрепенулся:

– Ах это? Ничего серьезного, Джереми, просто маленький дорожный роман.

– Я это к тому, не собираешься ли ты снова жениться? – крикнул Барнет.

– Брось, – отмахнулся Майкл. – Такие глупости делают один раз в жизни или не делают вообще. Ты хочешь знать, буду ли я с тобой работать? Ответ: буду. А сейчас едем домой, Джереми, а то после тропического солнца я боюсь простудиться.

Глава 7

Джереми настаивал, что Майкл поживет у него и займет ту же самую комнату, которую занимал в детстве. Она пустовала после его отъезда в Южную Америку, лишь иногда туда наведывалась миссис Томсон, чтобы вытереть пыль и подмести углы.

С момента получения телеграммы домоправительница находилась в состоянии, близком к помешательству, и в ожидании своего любимца каждое утро пекла булочки с корицей. Вот и сейчас, еще не переступив порог дома, ставшего для него родным, Майкл почувствовал их неземной сладковатый запах. Дверь открылась, и он сразу же попал в объятия миссис Томсон, немного постаревшей, но такой же заботливой, как и раньше. Кэбмен внес чемодан, и Барнет рассчитался с ним, не упустив случая поторговаться.

– Вот ты и дома, Майкл, – объявил он с некоторой долей торжественности, что, впрочем, соответствовало моменту. – Располагайся, а делами займемся завтра. Я носом чую, что наша незаменимая домоправительница приготовила нам чудесный завтрак.

Миссис Томсон опомнилась и поспешила на кухню.

– А Ева, наверное, еще спит, – промолвил Барнет, рассеянно глядя на часы: было ровно восемь.

Майкл вспомнил, что рождественские каникулы дочь Барнета всегда проводила дома, и не слишком обрадовался этому. Джереми, строгий руководитель банды, по-житейски хитрый и безжалостный, рядом с единственной дочерью превращался в сумасшедшего отца. Девочка и шагу не могла ступить без отцовской опеки: на прогулках он никуда не отпускал ее от себя и постоянно сетовал на плохой аппетит дочурки, хотя растущий организм требовал много энергии, и девочка ела в три щечки. Барнет же сокрушался, что этого недостаточно, и она в своем весе еще не достигла центнера.

При малейшем насморке Еву укладывали в постель и приглашали ведущих медицинских светил – в этом случае жадина Барнет не считался с расходами. Если бы малышка потребовала луну с неба, папа поспешил бы схватить ночное светило, обжигая пальцы и рискуя сломать себе шею.

При таком воспитании Ева могла вырасти безжалостной эгоисткой, но этого не случилось: даже ребенком она принимала близко к сердцу чужие страдания. Подобными качествами она походила на мать – рано умершую Мэри.

Главным ее недостатком являлась склонность к фантазиям, но кто из нас не грешен? Порой ложь звучит слаще любой правды...

В семилетнем возрасте Еву отдали в закрытый пансион, где, по разумению Джереми, она должна была научиться хорошим манерам.

Так думал папа, но живая веселая девочка скучала среди напыщенных классных дам и пугливых соучениц. Неистощимая на выдумки, она постоянно завлекала подруг в разные игры и каверзы.

Понятно, что и наказывали ее чаще других. Это не останавливало шалунью, и Джереми пришлось выслушать немало упреков по поводу поведения дочери.

Однако плоды светского воспитания дали о себе знать, и дома на каникулах маленькая Ева вела себя в соответствии с полученными представлениями о жизни. Она придиралась к миссис Томсон по поводу сервировки стола, поправляла отца, если тот имел неосторожность вставить в разговор простонародное выражение. Но больше всего доставалось Майклу – она критиковала его походку, манеру одеваться, манеру говорить. Она выговаривала ему за поздние возвращения, за беспорядок в комнате, и, вероятно, одной из причин, по которой Майкл решил поселиться отдельно, было желание убежать от Евы и ее нотаций.

Узнав о пребывании девочки в отцовском доме, Майкл еле удержался, чтобы не развернуться в обратный путь, но ему не дано было осуществить свое желание: она появилась на площадке второго этажа – Майкл даже не узнал ее в первую минуту. Вместо угловатого подростка в плохо сидящем платье, какой он ее запомнил до отъезда в Гвиану, по лестнице спускалась необыкновенно милая девушка, даже отдаленно не похожая на прежнюю. Мисс прищурила глаза, скрывая усмешку, и Майкл с трудом вспомнил, что они, кажется, голубые.

Она только что умылась холодной водой, отчего кожа ее горела. Девушка легко сбежала вниз по лестнице и бросилась к Джереми.

– Папа, милый, – воскликнула она так, словно это Барнет вернулся из дальних стран, а дочь уже успела соскучиться.

Вынырнув из его объятий, она лукаво повела взглядом, и небрежно обронила:

– Здравствуй, Майкл. Надеюсь, путешествие было приятным?

Вот так – ни больше, ни меньше, как будто он не переплыл океан, а вернулся из ближайшего пригорода!

– Рад видеть тебя в добром здравии, Ева, – вежливо произнес Майкл.

Девушка надула хорошенькие губки и весомо поправила:

– Мисс Ева.

– Что ты придумываешь, какая мисс? – возмутился Барнет. – Майкл вырос у нас в доме, он тебе, как брат...

– Вот именно, «как брат», – подхватило юное дарование, сделав акцент на слове «как», – А нас в частной школе учили, что посторонние люди должны обращаться к девушке официально.

– Я не против, – неожиданно согласился Майкл, – Но пусть в таком случае мисс Ева тоже обращается ко мне официально – мистер Уиллоуби. Надеюсь, это согласуется с тем, чему юную леди учили в школе?

Ева состроила рожицу, так что было непонятно, довольна она или уязвлена. Впрочем, ее лицо озарилось улыбкой при виде пушистой кошки, шествовавшей из кухни в столовую вслед за домоправительницей, но с таким видом, словно хвостатая была хозяйкой дома, а миссис Томсон состояла у нее в услужении.

– Милли! – окликнула Ева свою любимицу, но та даже головы не повернула на зов, не снисходя до общения с несносными двуногими.

– Майкл, ты помнишь Милли? В прошлом году она была комочком, маленьким котенком, а теперь вон какая красавица и умница! – промолвила Ева.

Она уже выбросила из головы правила, почерпнутые в пансионе, и обращалась к Майклу, как к брату. Ее голос звучал так искренне и проникновенно, что молодой человек оттаял.

– Я помню, как ты выхаживала этого заморыша, Ева, – тихо сказал он.

Их взгляды встретились: несколько секунд ее голубые глаза смотрели на него, теряя безмятежность и становясь колючими, как кнопки, а потом девушка умчалась помогать миссис Томсон с завтраком.

– А ведь она прехорошенькая, – внезапно подумал Майкл. – Сколько ей? Шестнадцать? Она и в самом деле красавица, и когда только успела так похорошеть?

Сзади Джереми подтолкнул его чемоданом, и Майкл, очнувшись от непрошенных мыслей, подхватил вещи, чтобы отнести их в свою комнату, но опекун задержал его.

– Смотри, Майкл, не вздумай заглядываться на мою дочь – она не для тебя, – сказал он строго.

Он не мог не предупредить Уиллоуби, но тот только пожал плечами, словно эти слова относилось не к нему.

Глава 8

Во время завтрака Майкл находился в центре внимания и удивлял рассказами домашних – им хотелось побольше узнать о далекой Гвиане. Кроме того, Барнета интересовало, как устроились в далекой нецивилизованной стране его бывшие соратники – Мици и Феликс. Майкл потрафил всем, подробно отвечая на вопросы. В своем повествовании он не поспешил на детали, и дальняя даль вдруг предстала перед слушателями близкой и знакомой.

Миссис Томсон и Джереми ахали и охали от изумления, а «мисс Ева» хранила молчание, уставившись взглядом на содержимое тарелки, которое, впрочем, почти не убывало. Если бы не занимательный рассказ воспитанника, то, возможно, Барнет обратил бы внимание на состояние дочери, но сегодня этого не произошло.

А Ева раздумывала над одним важным для нее делом, связанным, как ни странно, с «мистером Уиллоуби».

Девочку всегда занимало положение Майкла в доме: он ей не брат, но живет в семье, и как это может быть? В конце концов миссис Томсон объяснила девочке, что добрый мистер Барнет взял на воспитание бедного сироту, чтобы оградить мальчика от вредного влияния улицы, и Ева возгордилась поступком отца.

Отданная на обучение в частную школу, девочка подолгу жила вдали от семьи и виделась с домашними урывками. В пансионе ее окружали одни девочки, ее соученицы, и со многими из них она подружилась, но постепенно другие отношения стали занимать их в разговорах.

Вернувшись после каникул, то одна, то другая девочка увлеченно хвастались настоящей или мнимой влюбленностью некоего мальчика. Подробности разговоров, объяснений подробно пересказывались шепотом в тишине дортуара; перечитывались письма и записки, которые, несмотря на строгость порядков в школе, умудрялись получать отдельные счастливицы. Эти темы были волнующи и неисчерпаемы, и всегда находились благодарные слушательницы.

Ева Барнет внимала рассказам с открытым ртом и чувствовала себя обделенной: у нее не было родных братьев, к которым могли приходиться школьные товарищи и влюбиться в нее. Не было и кузенов – тоже прекрасный материал для влюбленности. Папа не вывозил ее летом в загородный дом, где они могли познакомиться с соседями, у которых случайно оказались бы сыновья подходящего возраста.

Короче говоря, все возможности, благодаря которым ее подруги добывали себе обожаемых, оказались закрыты для Евы, а рядом находился только Майкл, не обращавший на нее внимания. Сначала девочка пала духом, а потом решила перевернуть сложившуюся ситуацию себе на пользу. Молодой человек живет у них в доме? Прекрасно – ей и искать никого не надо. Ведь не придут в ее дом подруги с проверкой, а раз так, то можно сочинить, что угодно.

Девочки умрут от зависти, когда она им расскажет о Майкле, тем более, что это не мальчишка – их ровесник, а взрослый, почти недостижимая высота для мисс десяти – двенадцати лет.

Она придумает, как он объяснился ей в любви, какие слова говорил, что она отвечала... Она сочинит любовные письма и напишет их левой рукой, а потом прочитает их подругам.

Она найдет причину, по которой не может показать девочкам верного рыцаря – ну, например, отец что-то подозревает, к тому же воспитательницы в школе шпионят, поэтому Ева, якобы запретила ему приходиться в дни посещений.

Майкл, занятый своими делами, – роман с Бертой только начинался – не подозревал, какие страсти кипят вокруг его персоны. А довольная Ева, вернувшись после каникул,

со вкусом хвасталась вновь обретенным поклонником. Правда, слова объяснения в любви, как будто произнесенные Майклом, являлись точной копией монолога, произнесен-

ного неким графом – Ева почерпнула его в одном из романов, которыми зачитывалась тетушка Томсон.

Письма, предъявленные подругам, были написаны в духе Ричардсона, где в каждой строчке лились «очищающие слезы», пылали «сентиментальные закаты», и «сама природа разговаривала на языке любви.» Листки передавались из рук в руки, девочки плакали тайком над романтической страстью обожателя Евы. Они сочувствовали неизвестному молодому человеку и мечтали о том блаженном времени, когда их самих посетит столь возвышенное чувство.

Исходя из рассказов Евы, ее поклонник представлялся девочкам таким Чайлд – Гарольдом, разочарованным в жизни, в минуты одиночества помышлявшем о самоубийстве, «и воскресшего для жизни» благодаря внезапной встрече с Евой.

События, приведшие Майкла в армию, и его внезапный отъезд в Афганистан, не застали маленькую лгунью врасплох – она заявила, что Майкл «оставил свет» по причине их случайной ссоры. Письма, написанные левой рукой, по-прежнему становились предметом обсуждения в вечернем дортуаре, пока дежурная воспитательница не гасила свет. Для достоверности Ева добавляла подлинные фразы из посланий Уиллоуби (не могла же она предъявить настоящие, адресованные Барнету, ведь в некоторых «обожатель» забывал передавать приветы для нее).

К счастью, ложное известие о его гибели не дошло до Евы – Джереми постарался оградить дочь от тяжелых переживаний, поэтому настрого запретил в присутствии «драгоценной Евы» упоминать о воспитаннике.

Пока Майкл лечился в госпитале, а Барнет и миссис Томсон безутешно оплакивали его, Ева успела накропать несколько писем, а в одно из них от полноты чувств добавила небольшое стихотворение.

Возвращение Майкла, его страдания, связанные с замужеством Берты, его переезд на другую квартиру – все это никак не повлияло на ее эпистолярный жанр: поклонник продолжал «забрасывать» ее письмами.

Существует восточная пословица: сколько ни говори «халва», во рту слаще не станет. Наверное, это справедливо, но не во всех случаях, потому что Ева, загипнотизированная мнимыми признаниями, ею же и составленными, вдруг поняла, что она незаметно начинает влюбляться в Майкла.

Странно, но с этого момента письма перестали получаться – переполненная новыми для нее чувствами, Ева оказалась неспособна выдать из себя ни строчки. Она вдруг затосковала по дому, с нетерпением ожидая каникул, где появлялась призрачная возможность встретиться с предметом любви.

Она недоумевала, почему раньше ей не пришло в голову обратить внимание на воспитанника папочки, а теперь она исхитрилась изобретать предлоги, по которым Уиллоуби непременно должен был навестить их. Если бы не юный возраст Евы, Майкл, возможно, и заподозрил бы что-нибудь, однако он продолжал относиться к ней со снисходительностью взрослого человека.

А дальше последовало его примирение с Бертой, их побег из Лондона и подготовка к отплытию на край света, гибель Берты, арест Майкла и его освобождение. На этот раз Ева была в курсе всех событий и тяжело переживала из-за ареста и несправедливого обвинения Уиллоуби.

Она винила во всем Берту: эта изменница испортила жизнь любимому человеку. Девочке не удалось увидеть соперницу при жизни последней – она искренне сожалела о ее преждевременной смерти, но не настолько, чтобы обливаться слезами.

В том, что сердце Майкла разбито, не было ничего особенного: придет время, и он оценит красоту и чудный характер Евы Барнет.

Она испытала разочарование, узнав об его отплытии в Южную Америку – он даже не нашел времени попрощаться. Ей надоело сочинять письма и пичкать ими подруг, а посему

она объявила, что ее возлюбленный навсегда покинул Великобританию, и ее необыкновенный роман угас.

Девчата, с трудом выносившие похвальбу Евы на протяжении многих лет, немного позлорадствовали, а потом дружно бросились утешать подругу. Найдя себя в центре внимания, Ева восприняла слова сочувствия, как бальзам, пролитый на израненную душу, и выкинула Майкла из головы.

И вот он вернулся – такой же, каким она помнила его до отъезда, и забытые переживания моментально ожили. Она растерялась, и в первый момент, кажется, нахамила, а за столом посчитала за лучшее помалкивать, чтобы не проговориться и не выдать себя.

И сейчас, когда он ушел в свою комнату, ее словно магнитом потянуло туда – она хотела ни больше, ни меньше понаблюдать за ним через замочную скважину. Это, конечно, не *comme il faut*, да и вообще, любопытство наказуемо, но что же делать, если она умирает от этого самого любопытства?

– Если очень хочется, то можно, – успокоила себя девочка и подошла к двери комнаты Майкла.

Глава 9

А Уиллоуби занимался тем, что разбирает чемодан – что в этом особенного? Одежда уже висела в шкафу, на очереди был кофр, в котором лежали упакованные подарки для близких. Сегодня – вечер Рождества, он приглашен на первый концерт Пилар, а затем они отпразднуют праздник вместе в ресторане отеля, где остановилась мексиканка, и закончат в ее номере.

Барнет и миссис Томсон опечалились, узнав, что он не останется дома – только приехал, и уже убегает, неизвестно куда. Ева никак не прореагировала на его сообщение, она вообще дулась на него за завтраком. Причина этой неприязни была непонятна – он не сделал этой девочке ничего плохого, так в чем же дело?

Он подумал, что разбираться в настроении избалованного подростка – это просто потеря времени, пусть с нею разбирается Джереми. И Майкл продолжил заниматься подарками.

Он вытащил шкатулку с безделушками для миссис Томсон – правда, безделушки недешевые: черепаховый гребень, зеркальце в серебряной оправе; коробочка для нюхательной соли, инкрустированная бериллами; золотые колечки-держатели салфеток. Майкл улыбнулся: ему ничего не жалко, и он всегда готов порадовать тетюшку Томсон. Она же, подобно Джереми, ничего себе не купит.

Для Джереми он приготовил набор пенковых трубок – тоже достаточно дорогой подарок.

А с подарком, предназначенным Еве, вышла неувязка – не станет же он дарить юной девушке набор индейских сувенирных кукол! Можно представить себе, какую гримасу состроит юное дарование! И как же он упустил из виду, что дети растут, а девочки взрослеют быстрее мальчиков. Но, кажется, есть выход...

Майкл достал из глубин кофра деревянную шкатулку и высыпал на стол ее содержимое – украшения, купленные в Гвиане и предназначенные его пассиям – прошлым, настоящим и будущим. Придется что-нибудь выбрать из этой россыпи...

Он задумался: как воспримет Ева его подарок? К тому же ему неизвестны ее вкусы, а он уже убедился, что она – девочка непростая.

Взгляд Майкла остановился на серебряном браслете, усыпанном южноамериканскими изумрудами. Он представил, что камни подойдут к глазам Евы, похожими на светлые родники, и решительно отложил украшение в сторону.

Не успел он сложить оставшуюся бижутерию в шкатулку, как вдруг дверь за его спиной закрипела, и любопытная мордашка Евы всунулась в комнату. Ее глаза -щелочки так и бегали, обозревая все вокруг, и, наконец, уставились на лежащие на столе украшения.

– Испортила сюрприз, – обреченно подумал Уиллоуби, а вслух сказал, утрируя недовольство:

– Стучать надо.

Ева удивленно повела бровями и возмущенно фыркнула.

– Подумаешь, я только хотела посмотреть, чем ты тут занимаешься, – произнесла она тоном капризного ребенка.

– А вас в частной школе не учили стучать в дверь? – заметил он с некоторой издевкой.

И юное дарование возразило с неменьшей издевкой:

– Нас учат важным вещам, а не таким частностями.

Ева уже полностью протиснулась в комнату и продолжала косить глазами в сторону стола: блестящие побрякушки так и притягивали ее взор – она уже мысленно перебирала их одну за другой. Перехватив ее горящий взгляд, Майкл насмешливо спросил, кивнув в сторону ювелирного соблазна:

– Нравится?

– Очень, – выдохнула Ева: этот выдох у нее, вероятно, означал восхищение. Она подошла ближе и осторожно спросила:

– Можно мне потрогать?

– Изволь, – разрешил Майкл, жестом приглашая ее к столу.

Ева водила рукой, не зная, что выбрать, и ее движения походили на пассы фокусника в цирке, но вот беда – украшения не увеличивались ни в стоимости, ни в размерах, и можно было прийти к выводу, что фокус не удался, но тут ее взор остановился на перстне с гранатом, и она торопливо схватила его и зажала в кулаке.

Лицо девочки приобрело умоляющее выражение.

– Можно мне померить? – снова спросила она и снова получила согласие от Уиллоуби.

Не мешкая ни одной секунды, она надела на себя и гранатовый перстень, и такой же аметистовый, а потом еще и еще. Она с удовольствием вертелась перед зеркалом, демонстрируя Майклу и воображаемым зрителям пальцы, унизанные кольцами, шею под грудой цепочек с подвесками и браслеты на запястьях.

– А ты, оказывается, сорочьего племени, – удивился Майкл.

Впрочем, ее неподдельная радость захватила и его, и он смеялся и аплодировал ее кривлянью.

– Какая красота! – восклицала она, вздернув подбородок и приняв неприступную позу.

– Какая красота! – повторил Майкл, словно эхо, но его замечание относилось к самой Еве. – Что бы ты хотела выбрать себе в подарок из этих безделушек?

Она задумалась, глядя в зеркало, а потом произнесла с легкой грустью:

– Жаль, что нельзя забрать все, что ты привез. Я понимаю, в таком случае твои подружки останутся без подарков.

Она неторопливо снимала одно украшение за другим и раскладывала их, как на витрине. Уиллоуби почувствовал в ее словах намек на мелочность. В нем заговорила обида: мелочным или жадным он никогда не был.

– Если тебе так хочется, можешь забрать все, – заявил он и добавил с неожиданной теплотой в голосе. – Тебе идут эти вещи.

– Правда? – обрадовалась Ева.

Не дожидаясь повторного приглашения, она сгрэбла в кучу побрякушки и стала рассовывать их по карманам.

– «Достойная дочь своего отца, – подумал Майкл. – Знает цену деньгам и украшениям.»

– Майкл, это же целое состояние! – воскликнула Ева.

Ее глаза загорелись, и вдруг она вспомнила о подарке для Майкла. Зная о его скором приезде, она заранее приобрела дорогой письменный набор. Деньги ей дала миссис Томсон, и это был первый «взрослый» подарок, предназначенный Майклу – ранее она отделялась дешевыми безделушками.

Ева собрала украшения и, не говоря ни слова, вышла из комнаты. Уиллоуби разочарованно посмотрел ей вслед: хоть бы «спасибо» сказала.

А через минуту она вернулась, чтобы вручить ему подарок.

– Благодарю, не ожидал, – сказал он, разворачивая упаковку. – Такая красивая упаковка!

– Смеешься, – разочарованно протянула она. Кажется, она была готова надуть губы и расплакаться, как маленькая.

Но тут Майкл вытащил бювар и прищелкнул языком.

– О, мисс Ева, Вы превзошли сами себя.

– Всего лишь спасибо? – разочарованно протянула Ева. – Но этого мало.

Настала очередь Уиллоуби удивиться.

– А что бы ты хотела?

Жеманница выпрямилась, сделала «светское» лицо и с достоинством протянула ему руку для поцелуя. Несомненно, это являлось дерзостью с ее стороны, но о чем тогда она сможет рассказать подругам? Почти все уже целовались, по крайней мере рассказывают об этом, и только Еве нечем было хвастаться.

Неизвестно, разгадал ли Уиллоуби ее маневр, но его лицо за несколько секунд менялось до неузнаваемости: от спокойствия к суровости, а затем в его глазах появились насмешливые искорки.

Растягивая рот в улыбке, он осторожно взял в свою руку ее хрупкую ладошку, но вместо того, чтобы прикоснуться к ней губами, затряс в рукопожатии.

Ева растерялась – это было совсем не то, на что она рассчитывала. Как! Этот тип не захотел поцеловать ей руку и превратил ожидание чего-то необыкновенного в пшик! Впрочем, подругам она и без поцелуя расскажет, каким он якобы был, но унижение от невнимания она не забудет никогда и отомстит при случае.

Она попыталась выдернуть руку, но Майкл продолжал ее трясти, словно ветку яблони. Наконец, ей удалось вырваться: она отступила на некоторое расстояние и, встав в позу оскорбленной герцогини, тоном, полным презрения, произнесла:

– Ваши манеры, сэр, отдают простонародьем.

– А на что Вы рассчитывали, мисс Ева? Вы думали, что я поцелую Вам руку? – снисходительно произнес он. – Разве это согласуется с правилами хорошего тона, которым Вас обучают в частной школе?

– Да! – воскликнула Ева так громко, что у Майкла зазвенело в ушах.

– «Если бы она не была дочерью Джереми...» – промелькнула у него мысль.

– Ну, с правилами хорошего тона я спорить не буду, – заявил Майкл, – Но и руку не буду целовать. Подрасти сначала.

Не надо было ему это говорить, потому что Ева рассердилась так, что с трудом сдерживалась, чтобы не поколотить Уиллоуби.

– Дурак, идиот, хам! – воскликнула она, вытянувшись в струнку и подняв подбородок.

Майкл решил подшутить над юной леди и поспешил изобразить умственно отсталого недотепу. Он округлил глаза и часто- часто заморгал, а затем спросил:

– А при чем тут я? Может, Вы руки и не моеете, так что ж я...

Град кулачков посыпался на его голову, и он поймал ее ладошки и стиснул так, что она не могла вырваться, несмотря на сопротивление. Вскоре она затихла и замолчала, раздумывая, а что же она чувствует в чужих объятиях, но кроме покалывания в кончиках пальцев не замечала в себе ничего нового.

Внезапно Майкл убрал руки и спокойно сказал:

– Иди к себе, девочка.

И снова Ева рассердилась.

– Не смейте так меня называть, – светским тоном промолвила она. – И не приближайтесь ко мне ближе, чем на два метра, мистер Уиллоуби.

– Как Вам будет угодно, мисс Ева, – улыбнулся Майкл.

– Подобным образом Вы можете вести себя с другими девицами, менее взыскательными.

– Благодарю Вас за разрешение, мисс Ева.

– А меня Вы никогда не поцелуете.

– Ни за какие коврижки, мисс Ева.

– Нахал! – взвизгнула Ева, почувствовав издевку в его словах. Задрав нос и фыркнув, словно кошка Милли, Ева выскочила из комнаты.

Оставшись один, Майкл подумал, что первое, чем ему следует заняться, это поиски квартиры.

Глава 10

Зажаренный гусь томился в духовке; пудинг, украшенный цукатами и шоколадом, остывал на подносе, а Джереми, кряхтя, доставал из шкафчика бутылочку домашнего вина. В гостиной стояла рождественская елка, под ней стояли фигурки в вертепе – Мария, Иосиф, младенец в корзинке и ангел в длинном хитоне с молитвенно сложенными на груди руками.

В камине потрескивали дрова, и кошка Милли устроилась поближе к теплу в любимом кресле Барнета.

Майкл пожалел, что отказался от уютного семейного ужина, но, заметив Еву, спускающуюся по лестнице, поспешил откланяться.

– А разве мистер Уиллоуби не останется с нами? – лениво произнесла Ева.

Она покосилась в сторону зеркала, чтобы убедиться в том, что выражение ее лица спокойно до полного равнодушия.

Барнет выбрал, наконец, вино и отдал бутылку миссис Томсон.

– Ты о чем, доченька? – переспросил он. – Майкл? Так он еще утром предупредил, что празднует не с нами.

– Ну вот, стараешься, готовишь, а он вечно куда-то убегает, – проворчала стоящая рядом с подносом домоправительница.

– Да не куда-то, а к кому-то, – уточнил Барнет. – Знали бы вы, с какой красавицей я встретил его на перроне. Королева, да и только! Майкл сказал, что она певица, гастролирует в Лондоне. Она пригласила его на концерт. А что это ты так вырядилась, дочка?

Любящий папочка наконец-то обратил внимание на наряд дочери – белое муслиновое платье, чересчур открытое, по его мнению, но не это привлекло его внимание – Ева с ног до головы была обвешана неизвестно откуда взявшимися украшениями.

– Где ты взяла эти вещи? – строго спросил Барнет и потрогал браслет на руке Евы.

Девочка сняла браслет и протянула отцу: так, серебро, а вот камни, похоже настоящие изумруды.

– Подарок Майкла на Рождество, – объявила довольная Ева.

– Как, все это он тебе подарил? Ненормальный, – воскликнул Барнет. – Дочка, это дорого, с чего бы ему тебя так одаривать?

– Мне он почему-то украшения не подарил, – встряла в разговор миссис Томсон.

Это вовсе не означало, что домоправительница недовольна подарком Майкла, скорее она ругала мальчика за расточительность. А в случае с Евой он явно преувеличил.

– Дочка, скажи, а он случайно не... – Барнет не знал, как выразиться, – ... не пытался, не дай Бог, обнять тебя или взять за руку?

– Папа! – возмутилась Ева, не дав ему закончить фразу, – Как ты можешь так думать обо мне? Ты же не напрасно платишь за мое обучение и воспитание. Поверь, ты не выбрасываешь деньги на ветер, и я веду себя с мистером Уиллоуби, как истинная леди.

Сказав это, «истинная леди» покраснела, припомнив сцену в комнате Майкла.

– Впрочем, если ты хочешь, папа, я верну Майклу его подарок, – скромно потупившись, произнесла Ева, на что Барнет возразил с излишней поспешностью. А что? Нравится Майклу сорить деньгами, это его дело! Кто бы ни был против, но только не он, Джереми.

– Лучше уж я буду носить эти вещи, чем его красотки, – презрительно бросила Ева.

Барнет с гордостью посмотрел на свое дитя – кажется, дочь обещала со временем стать такой же экономной, как и он сам. Умом и образованием она его уже превзошла.

Миссис Томсон была настроена к девочке более критично.

– Если бы Майкл знал, какие ты номера откальываешь в школе и какие оценки получаешь, он тебе ничего бы не подарил. Вспомни, какое письмо мы получили от твоей директрисы.

– А что директриса? Папа, она меня не любит и придирается по пустякам. И потом, по математике, литературе и французскому я занимаюсь лучше всех.

– А по географии?

– А что по географии?

– А кто заявил на уроке географии, что Египет находится в Европе? Даже я знаю, что он расположен в Америке, – гордо заявила домохозяйка

– И не в Америке, а в Африке, – возмутился Барнет. – Это наша колония, мы там построили канал, об этом все газеты писали.

Миссис Томсон и Ева переглянулись: ни та, ни другая газет не читали. Барнет продолжал ворчать, но Ева прервала его резонным замечанием, что, если ей понадобится плыть в Египет, она обратится в пароходную компанию.

А тетушка недоверчиво заметила:

– Надо спросить у Майкла, он был в Америке, и лучше нас знает, где Египет.

Она зажгла свечи и пригласила отца и дочь за стол.

Еще не успели попробовать гуся, как зазвонил дверной колокольчик. Пришел Стив Хэнстед, прикормленный адвокат и ближайший помощник Барнета. Он выполнял деликатное поручение – принес чемодан с деньгами – рождественский подарок от банды. Надо сказать, что Джереми предпочитал наличные, по своей престонародной привычке он не слишком доверял чекам, векселям и другим банковским бумагам. Хэнстед объявил, что идет праздновать в отель, а «ребята» встали на трудовую вахту – праздничная публика более невнимательна, поэтому обчистить карманы в такие дни намного проще.

Барнет отпустил помощника и занялся любимым делом – он пересчитывал деньги.

Ужин подошел к концу, когда миссис Томсон заметила, что Ева украдкой спрятала в угол кусочек восхитительного пудинга.

– И что ты делаешь? – спросила тетушка. – Зачем ты крошишь пирог по углам? Мышей приваживаешь?

Застигнутая врасплох Ева вздрогнула.

– Тетя, не сердитесь. Такой вкусынятиной соблазняются даже мыши.

– Только мышей нам не хватает, – вздохнула миссис Томсон.

Ева решила, что самое время подлизнуться к тетушке. Она обняла ее и пророкотала нежно:

– Не сердитесь, дорогая тетушка. Это для Милли. Она ведь домашний хищник, поэтому хотя бы раз в неделю должна питаться свежим мясом.

– Как будто я у мясника беру несвежее, – обиделась домохозяйка.

– Ну конечно же свежее, – перебила ее девочка, – Но Милли для полного здоровья должна иногда помышковать.

– Что? – не поняла тетя.

– Ну. Поохотиться за мышами. Вот я их и приманиваю на рождественский пудинг.

Миссис Томсон засмеялась:

– Дорогая, я боюсь, что ты сама будешь мышковать, вместо Милли. Посуди, какая из нее охотница, ей и так все подано на тарелочке. Да еще и норовит стянуть что-нибудь с кухни.

Вскоре Ева ушла в свою комнату, унося на руках негодницу Милли. Праздник закончился, пора ложиться спать.

Ева переоделась и, сидя перед зеркалом, долго расчесывала спутанные волосы. Невольно она вернулась мыслями к Майклу и вдруг поняла, что ревнует его к незнакомке с поезда. Чувство было новым для нее, и она опешила. Если она ревнует Майкла, значит, она в него влюблена? В этого грубияна? Не может быть.

Это открытие выбило ее из колеи и заставило задуматься... Нет, нет, Майкл – это просто так, хвастовство перед подругами, но придет время, и за Евой явится красивый молодой аристократ – вот кто станет ее избранником!

Ладно, аристократ аристократом, но где в рождественскую ночь бродит скотина по имени Майкл? Пусть только явится, Ева всласть попилит его за все прошлые, настоящие и будущие прегрешения.

Глава 11

Никогда еще Пилар Каварубия так не волновалась, как сейчас, перед премьерой в Лондоне. Ее била мелкая дрожь, она гоняла новенькую горничную то за шалью, то за нюхательной солью, то за водой, и та с непроницаемым выражением лица исполняла любой ее каприз.

Импресарио Энрике Маркос тоже волновался, но уже успел подлечиться универсальным средством – рюмочкой хорошего коньяка.

Пилар знала, что Майкл здесь, в зале среди публики: он прислал ей цветы и рождественский подарок – красивое жемчужное ожерелье. Что ж, Пилар постарается не ударить в грязь лицом и покорить не только взыскательную лондонскую публику, но и самого дорогого лондонца – Майкла Уиллоуби.

Напрасно волновалась мексиканка – ее зажигательное пение пробудило в чопорных англичанах такие страсти, что они вскакивали с мест и чуть ли не порывались пуститься в пляс, а в конце выступления забросали певицу цветами.

После концерта Майкл поспешил за кулисы. Дверь в гримерную сеньориты Каварубия то и дело открывалась и закрывалась, впуская и выпуская посетителей. Певица принимала букеты и поздравления и раздавала автографы. Она улыбалась, купаясь в лучах славы, но верный импесарио хмурился и оттеснял наиболее надоедливых посетителей. Энрике видел, что Пилар устала, что она выложилась за время выступления. Лучше всего для нее было бы поехать в отель и поспать несколько часов в номере, несмотря на Рождество, однако он помнил, что красивый англичанин с корабля заказал столик в ресторане и скоро придет за сеньоритой.

То, что произошло дальше, явилось полной неожиданностью и для Пилар, и для импесарио: Уиллоуби столкнулся в дверях с другим, не менее страстным поклонником – сеньором Антонио Гарсиа. Южноамериканец был одет в той же манере, что и на корабле – дорогой строгий костюм и огромное сомбреро, похожее на блюдо для свадебного торта. Шею мачо украшала массивная золотая цепь; на указательном пальце сверкала бриллиантами громадная печатька в виде черепа. Гарсиа пытел вонючей сигарой и казался вполне довольным жизнью. За спиной мачо топтались телохранители, что также придавало значительность нуворису.

Неизвестно, кто начал первым: в мгновение ока оба поклонника схватились между собой. Телохранители Гарсиа переглянулись и тоже влезли в драку. И снова приемы японской борьбы выручили Уиллоуби – он полностью контролировал ситуацию.

Один из телохранителей вынул нож, однако воспользоваться им не успел – Майкл выбил клинок из рук нападавшего, а его попутно вырубил ударом в сонную артерию.

Гарсиа подскочил сзади и вцепился в плечи противника, и вскоре оба покатались по полу – силы были примерно равны, но если Майкл брал ловкостью, то за Гарсиа была масса тела и медвежья хватка. Наконец, Майкл изловчился и ударил мачо в солнечное сплетение, тот застонал и скорчился от боли.

Кажется, драка подходила к концу, главный соперник был не в состоянии ответить наглому англичанину на удар, а телохранители стонали и изображали тяжело раненных. Майкл тяжело дышал: продолжать сражение не хотелось, тем более он считал себя победителем. Ничего, скоро мачо придет в себя и уберется из гримерной – уползет, как побитый пес.

Внезапно он заметил, что из-под разорванной в драке рубашки Гарсиа выпал замшевый мешочек и упал прямо под ноги Майклу. Тот молниеносно спрятал добычу в карман, чтобы исследовать ее на досуге, и посмотрел на Пилар.

Кажется, мексиканке не понравилось происходящее в ее гримерной. Вместо того, чтобы поздравить Майкла с победой, красавица залепила ему короткую увесистую пощечину.

– Это за то, что вы с Гарсиа испортили мой дебют в Лондоне, – заявила она, бросая на обоих поклонников уничтожающие взгляды.

Майкл догадался, что вечер в ресторане отеля и продолжение в номере отменяются, но не стал сожалеть по этому поводу – драка с Гарсиа и пощечина Пилар вывели его из равновесия.

– Но я же не нарочно, Пилар, ты же видела, что этот тип спровоцировал меня, – попробовал он оправдаться. – Я не хотел причинить тебе неудобства.

Все доводы были напрасны: обиженная девушка потребовала, чтобы оба поклонника немедленно удалились.

– Иначе я позову полицию, – пригрозила она.

Очнувшийся Гарсиа тоже лепетал что-то, но гордая красавица и к этому поклоннику отнеслась столь же неблагоприятно.

Энрике Маркосу стало жаль драчунов, и он попросил их удалиться по-хорошему.

– Ни мне, ни сеньорите Каварубия не нужны скандалы в самом начале гастролей – не дай Бог, пронюхают газетчики, понапишут, неизвестно, что, и гастроли не принесут ожидаемых сборов, – твердил он, толкая плечом одного и другого, пока не вытолкал в коридор.

Куда уехал Гарсиа со своими побитыми телохранителями, неизвестно, да и не имеет значения для нашего повествования. Уиллоуби, недолго думая, отправился в «Веселую лошадь» – паб, где собирались кутить громилы Барнета. Он снова пожалел, что не остался в семье, но что сделано – то сделано.

Постепенно за кулисами все стихло; разошлись зеваки, наблюдавшие за дракой, а сеньорита Каварубия сняла грим и переделась – она намеревалась последовать совету импресарио, то есть вернуться в номер и лечь спать. В этот момент в дверь постучали.

– Энрике? – позвала Пилар, решив, что это импресарио.

Это был не он. В комнату вошел бледный худощавый незнакомец, одетый во все черное, и только жемчужная булавка белела в галстуке.

– Я имею честь видеть сеньориту Каварубия? – осведомился вошедший.

– Да, это я, Пилар Каварубия. Простите, мой английский недостаточно хорош. Могу я узнать, кто Вы?

– Чарльз Морстен, эсквайр. Заглянул, чтобы выразить восхищение Вашим талантом.

– Считайте, что Вы уже выразили.

Она была недовольна приходом незнакомца: после недавних событий сеньорита чувствовала себя опустошенной и разочарованной.

Морстен окинул взглядом мексиканку с головы до ног.

– Я помешал Вам? – спросил он. – Возможно, Вы что-то планировали на вечер?

– Ничего особенного я не планировала, – вздохнула Пилар

– Могу я пригласить Вас, сеньорита, провести этот вечер со мной?

Морстен был сама любезность, но Пилар не понравилось его приглашение. Она выпрямилась и посмотрела на мистера Морстена колючим взглядом.

– Сэр, я порядочная девушка. Я не принимаю приглашений от незнакомцев, – Пилар подумала, что отшила его, но Морстен подбросил еще один аргумент:

– Полагаю, в компании импресарио Вы будете чувствовать себя в безопасности.

Он прошел по примерной, внимательно рассматривая разбросанные вещи.

– Ну что, решили? – спросил он, резко повернувшись к ней. – Выбирайте – пустой гостиничный номер или мое общество?

– Но мы едва знакомы, – замялась Пилар.

– Неважно, познакоимся, – отрезал Морстен. – Учтите, леди, я ничего никому не предлагаю дважды.

Ну и Бог с ним, с Майклом – Пилар не собирается куковать в одиночестве в праздничный вечер. Она решительно кивнула в знак согласия.

– Вот и прекрасно, – сказал ее собеседник, целуя ей руку. – Я провожу Вас в экипаж, а мой слуга уже ушел за импресарио.

А через пять минут сеньорита ехала по ночному Лондону в обществе человека, которому суждено сыграть важную роль в ее жизни.

А Майкл, забыв об огорчениях, кутил в «Веселой лошади». Тайком от всех он распутал завязки найденного мешочка и обнаружил внутри горсть необработанных камней.

– Контрабанда, – предположил он. – Наилучший выход – показать находку Джереми.

Глава 12

На следующее утро Барнета разбудил громкий стук в дверь. Он наскоро набросил халат и, открыв дверь, обнаружил Майкла Уиллоуби во всей красе – сонного, пьяного, усталого, в расстегнутом пальто. Он держался за косяк двери и глупо улыбался, и эта улыбка вывела из себя хозяина дома. Скрипя зубами от злости, он схватил гуляку за воротник и втощил внутрь. От сильного толчка Майкл пролетел несколько шагов и рухнул в кресло, а Джереми запер дверь и обернулся к своему воспитаннику.

– Что ты себе позволяешь Майкл? Мой дом – не притон, и, если ты будешь приходить сюда в подобном виде, то я тебя просто выгоню. – заявил он злым шепотом.

Улыбка, раздражающая Барнета, не сходила с физиономии Майкла. Он отмахнулся от старшего товарища, словно от назойливой мухи.

– Оставь, Джереми, и ничего такого я не сделал: отпраздновали с ребятами в «Веселой лошади», ну и выпили немного за мое возвращение – в первый раз, что ли?

Барнет даже задохнулся от возмущения.

– Ты же не «громила» какой-нибудь без мозгов, чтобы так себя вести? Скажи спасибо, что миссис Томсон спит, а то было бы крику.

Майкл криво усмехнулся:

– Джереми, оставь: ты боишься, как бы меня не увидела твоя драгоценная Ева.

– И Ева тоже, – согласился Барнет. – Подумай сам, пристало ли моей девочке в собственном доме видеть такое безобразие?

– А Ева, между прочим, видит все, – раздался со стороны лестницы нежный голосок.

Барнет и Майкл дружно повернули головы – на площадке второго этажа стояла Ева и наблюдала за происходящим. В отличие от отца, набросившего халат поверх пижамы, девушка была полностью одета в клетчатое домашнее платье, однако ее золотистые волосы были наскоро стянуты узлом на затылке. Барнет с укором посмотрел на воспитанника.

– Вот видишь, что ты наделал? Ты разбудил мою дочь! – возмутился он и потянул Майкла за руку, но тот не сдвинулся с места.

– Прошу прощения, Джереми, что я нарушил сон твоей прелестной дочери, – сказал он и неожиданно подмигнул Еве.

Глаза девочки расширились от изумления, маленький носик вздернулся вверх, губы вытянулись в ниточку – по ее мнению, это было проявление презрения, которым она поливала Майкла.

Барнет снова потянул воспитанника за руку и снова неудачно.

– Вставай, Майкл, иди в свою комнату. Тебе нельзя оставаться в гостиной в таком виде – не дай Бог, увидит миссис Томсон.

Майкл снова отмахнулся и ничего не ответил. Вместо него отозвалась Ева.

– О чем ты говоришь, папа – этого типа надо сначала отмыть в ванне.

Она уже спустилась вниз и с близкого расстояния могла наблюдать глубину «падения» тетушкиного любимчика. Впечатлиться было от чего – мутный взгляд, развязные движения, забрызганные грязью пальто и ботинки.

– Интересно, как он до дома добрался? Он же не соображает ничего. – обратилась Ева к отцу, но Майкл неожиданно обиделся.

– Кто это не соображаю? Прекрасно соображаю. – и добавил с издевкой. – Уж я-то знаю, что Египет находится не в Европе, а в Африке. Во всяком случае я помню то, чему меня учили в школе.

Ева залилась краской и с укором посмотрела на отца. Джереми, застигнутый ее взглядом, энергично покачал головой.

– Клянусь, я ни слова не проронил...

– Значит, миссис Томсон проболталась. – заключила Ева и предложила отправить Майкла в ванную комнату.

– Да посмотри ты на него, разве он может сам себе налить воду? – засомневался Джереми.

– Придется мне заняться этим, папа, – притворно вздохнула Ева. – Впрочем, мне не тяжело.

Она фыркнула совсем, как Милли, когда ее прогоняли с любимого кресла, и гордо удалилась. Как только дверь за ней закрылась, его глаза, бывшие до этого сонными и мутными, вдруг прояснились. Он вытащил из кармана пальто замшевый мешочек, взятый им в качестве трофея у Гарсиа, и протянул его Барнету.

– Скажи, Джереми, ты можешь определить, что за камушки в этом мешочке?

Старый бандит высыпал на ладонь несколько кристаллов, пристально посмотрел на них, близко поднеся к глазам, и чуть ли не понюхал их.

– Где ты взял? – спросил он наконец, перебирая каждый камень. – Я имел когда-то дело с бериллами... Но это было давно, я боюсь ошибиться.

– Джереми, я расскажу тебе все, но потом. А ты уверен, что это бериллы?

– Ты считаешь, что я должен посоветоваться с нашим ювелиром?

– И как можно скорее. Я подозреваю, что кто-то возит контрабанду на нашу территорию.

Майкл пристально посмотрел на главаря, и тот поспешил оправдаться:

– Я не обязан давать тебе отчет, но комбинации с камнями в настоящее время не входят в наши планы.

– Ну и... Если не ты, значит, наш заклятый друг Морстен получает камушки из Южной Америки по своим каналам.

Барнет пожал плечами и сказал равнодушно:

– На своей территории он волен делать все, что захочет. Каждый делает деньги, как может.

– Я с тобой согласен, – ответил Майкл. – Но ты обязан быть в курсе дел твоего противника.

Барнет сгреб содержимое в мешочек и подбросил его на ладони.

– Я сейчас же поеду к ювелиру.

– Не рано ли?

– А зачем тянуть? Сначала убедимся, что камни настоящие, потом выясним, действительно ли эта посылочка предназначалась Морстену. А потом понаблюдаем, куда этот хитроумный Магистр сбывает камни.

Он замолчал и недоверчиво посмотрел на воспитанника.

– Майкл, не такой же ты и пьяный, больше валяешь дурака. Скажи, зачем тебе это? – поинтересовался Барнет.

– Просто так, Джереми, сегодня праздник, и мне захотелось подурачиться и подразнить Еву и миссис Томсон. Твоя дочь мила, но слишком строга. Честно говоря, я ее немного побаиваюсь.

Барнет кивнул и ушел в свою комнату. Вскоре он отправился к ювелиру, а Майкл вытянул ноги и задремал в кресле.

Глава 13

Его разбудила рассерженная Ева – она уже почти десять минут дергала его за руки и за ноги, била по щекам и грозила облить водой. Майкл отмахивался от нее, как от назойливой мухи, но потом все же вынужден был проснуться: даже сейчас, когда она злилась, синие глаза девушки сияли, как Темза в редкий солнечный день. Продолжая играть роль пьяного, он, пользуясь привилегией находящегося в отключке, коснулся ее руки, ощутив теплоту нежной кожи. Заметив это, Ева открыла рот, чтобы приструнить нахала, но, вспомнив о спящей миссис Томсон, передумала и строго сказала:

– Иди в ванную.

– А почему ты так хлопчешь, красавица? – немного развязно промолвил он.

– Вода остынет, чудовище.

Майкл изобразил головокружение: он попробовал встать и снова рухнул в кресло. Ева взялась за воротник его пальто и потянула на себя, а через секунду в ее руках осталось только многострадальное пальто, которое девушка с досады швырнула на пол.

– Ты издеваешься надо мной: – тихо произнесла она, заметив, что Майкл закрыл глаза и приготовился дремать.

Слезы покатались по щекам, и Ева всхлипнула, а он подумал, что заигрался.

– Прости меня, дорогая. Поверь, я не издеваюсь, у меня действительно кружится голова, но я обязательно поднимусь, если ты меня поддержишь. А если тебе трудно, можно разбудить тетушку. – Майкл произнес это так проникновенно, что Ева поверила, а поверив, передумала плакать.

– Чего уж там, – пробормотала она. – И тетушку Томсон незачем будить.

Она протянула ему руку; Майкл поднялся и с помощью Евы сделал несколько шагов. Может быть, он дошел бы до ванной комнаты без приключений, но черт потянул его за язык.

– Я забыл, что кто-то требовал, чтобы я не приближался к некоей мисс не менее, чем не два метра.

Он осторожно покосился на Еву, а та застыла, как кошка перед прыжком.

– Утоплю в ванне, – зашипела красавица, – Я с ним вожусь, как верная супруга, а он же меня и дразнит.

– Да ты меня пилишь, как престарелая теща...

Ева фыркнула.

– Как твой язык поворачивается говорить такое! Почему же ты не остался до утра у своей красотки? У нее бы и принимал ванну. Ай! – коротко вскрикнула она и снова трянула Майкла за воротник. – Ты мне ногу отдал, медведь!

– Прости, я не хотел, – покаялся Уиллоуби. – А никакой красотки у меня нет.

– Да ну! – удивилась Ева. – А та, с которой вы вместе ехали в поезде? Нам с тетушкой папа рассказал.

– Ах, эта... – Майкл неопределенно махнул рукой.

– Ты в них уже запутался, негодный. Права, права тетушка – давно пора тебя женить.

Майкл искренне рассмеялся – он давно подозревал, что сватовство – одно из любимых занятий домоправительницы, но в отношении собственной персоны с ее стороны не ожидал никаких поползновений.

– Интересно, когда вы успели посплетничать обо мне? – промолвил он озадаченно.

– Миссис Томсон сказала, что она подыщет тебе кого-нибудь, – торжествующе заявила Ева. – Здесь, в Лондоне ты хотя бы под присмотром, а в другом месте, в Гвиане, например? Там ты гулял, как кот по крышам, и делал, что хотел.

Она явно повторяла словечки уважаемой тетушки Томсон, и даже в голосе слышались строгие интонации домоправительницы. Майкл решил подразнить ее.

– А ты бы согласилась? – неожиданно серьезно спросил он.

– Что? – не поняла Ева.

Она остановилась и круглыми глазами взглянула в его лицо – и сейчас в нем она не нашла ни одного признака опьянения. Напротив – оно было торжественным и невозмутимым.

– Ты бы согласилась выйти за меня? – переспросил он.

Ева рассмеялась:

– Я ценю твою шутку, Майкл. О чем ты говоришь – я еще учусь в школе!

Майкл оставался невозмутим.

– Подрастешь, – заявил он. – Или я тебе не симпатичен?

– При выборе мужа нельзя мыслить категориями «нравится -не нравится». Тут требуются другие оценки. – назидательно процитировала девушка чьи-то слова.

– Это тебе в частной школе промыли мозги? – возмутился Майкл.

– Нет, это папа так говорит. А еще он говорит, что с хорошими манерами я смогу претендовать на жениха из высших слоев.

– Значит, мистер Барнет хочет влезть в лондонский свет. – промолвил Майкл с иронией. – А если ты полюбишь простого человека?

– Я не люблю.

Они подошли к двери ванной комнаты, и Майкл проскользнул внутрь, оставив Еву в одиночестве. Этот странный разговор озадачил ее, и первым порывом взбалмошной красавицы было желание бежать, куда подальше от этого типа с его непонятными намеками, с которым она росла вместе, но которого, в сущности, почти не знала.

А с другой стороны, Ева жаждала продолжения разговора, немного опасного и... пленительного. В конце концов теперь она сможет похвастаться перед подружками, что ее «вечный возлюбленный» вернулся к ней и даже сделал предложение.

Майкл же чувствовал себя разочарованным: новое поколение столь явно показало свой рационализм, развитый не по возрасту, что ему стало не по себе.

– Я хорошо помню мать Евы, несчастную Мэри. Все, кому довелось быть с ней знакомыми, утверждали, что это был ангел, посетивший землю на короткое время. – сказал он сам себе. – А Ева – достойная дочь своего отца, и он должен по праву гордиться ею. Эх, жаль, что Ева ничего не унаследовала от матери.

После ванны Майкл заснул в своей комнате и проспал несколько часов, пока его не разбудил Барнет. Он уже успел побеседовать с ювелиром, и тот, несмотря на Рождество, проверил содержимое мешочка.

– Ты прав, это южноамериканские бериллы, необработанные – похоже, украдены прямо на руднике. – заявил Джереми проснувшемуся Майклу.

– Я подозревал это, – ответил тот.

Он посмотрел на часы – половина пятого. Вот это да – он проспал целый день!

– Вставай, одевайся. Скоро миссис Томсон подаст чай, а потом потолкуем у меня в кабинете. – предложил Барнет.

После чая оба авантюриста, молодой и старый, закрылись в кабинете. Майкл рассказал о Гарсиа все, что знал.

– Контрабанда, – заявил Джереми. – Нам надо узнать, кому предназначена посылка.

– Я верну мешочек этому типу, – ответил Майкл и вздохнул, скривившись. – Придется помириться с Пилар.

– А что, ты уже успел с ней поссориться? – усмехнулся бывший опекун, запоздало взявшись за воспитание молодого человека, но вспомнив поговорку «что выросло, то выросло», замолчал.

Майкл, кажется, не обратил внимание на его усмешки и серьезно объяснил:

– Она выгнала нас обоих за драку и полицией пригрозила.

– Серьезная девушка.

– Гарсиа, обнаружив пропажу мешочка, постарается его вернуть. Возможно, он думает, что его камушки преспокойно валяются на полу там, где мы дрались. Он вернется – на его месте я бы сделал это сегодня же. – продолжал Майкл.

Он подошел к двери кабинета и обернулся.

– Джереми, я должен идти. Я помирюсь с Пилар, и мне необходимо опередить Гарсиа.

– Наконец-то сообразил, – проворчал Барнет.

Уже стемнело, а Майкл вышел из дома и отправился на выступление Пилар, твердо намереваясь вернуть ее расположение. Поговорить с Евой не удалось, и он решил, что дело терпит до завтра. И тогда он попросит прощения за все те глупости, которые он ей наболтал утром.

Глава 14

По пути в театр Уиллоуби заехал в адвокатскую контору, в которой подвизался в качестве нотариуса прикормленный Барнетом юрист Стивен Хэнстед. До него уже дошли слухи о возвращении помощника главара из Южной Америки. Он сердечно приветствовал Майкла, а тот, не тратя времени на пустые разговоры, без всяких предисловий перешел к делу. Нужно было собрать сведения о Магистре, то есть Чарльзе Морстене, заклятом сопернике Барнета.

Юрист позволил себе удивиться: жизнь и деятельность обоих главарей тесно переплелись и, казалось, протекали на виду у противоположной стороны.

– Это так, – согласился Уиллоуби. – Но тем не менее у каждого человека есть своя тайна, свой скелет в шкафу, а у такого негодяя, как Морстен, подобных костяков, по крайней мере, несколько. Я хочу вытащить хотя бы один из них на свет божий.

– Да, но какого сорта информация Вас интересует? – немного растерялся Хэнстед.

– Все: привычки, любовные связи – настоящие и прошлые; друзья и недоброжелатели; соседи и слуги, банковские счета и неосторожные записки.

Нотариус скорчил гримасу, значение которой нетрудно было угадать: информация стоит денег.

– Я не постою за расходами, – пообещал проникательный молодой человек, – Я хочу как можно больше узнать об этом мерзавце.

Прозывая в тюрьме, а затем в добровольной ссылке в Гвиане, Майкл долгими одинокими вечерами и ночами вынашивал план мести тому, кто отнял у него самое дорогое – Берту.

У Майкла темнело в глазах при мысли, что этот тип приказал убить бедняжку после того, как она разоблачила его махинации с фальшивыми деньгами. Результат оказался плачевным: Берта в могиле, Майкл в тюрьме, а негодный Морстен так законспирировал этот источник доходов, что к нему теперь не подкопается целый штат ищеек Скотланд – Ярда.

Заручившись словом адвоката, Майкл поехал мириться с Пилар. Он успел к началу выступления: третий звонок еще не прозвенел, однако нарядная публика уже почти заполнила зал. Пилар была в гримерной в компании горничной. Сегодня она снизошла до обоих поклонников и простила их. Обласканный Гарсиа, пришедший на полчаса раньше, сидел в зале, а Майкл в знак примирения подарил мексиканке красивую орхидею – редкую и достаточно дорогую. Пилар благосклонно приняла его подарок, отметив про себя, однако, что Гарсиа принес ей красивое ожерелье.

– Мне неловко оттого, что из-за моей несдержанности ты скучала в рождественский вечер, – сказал Майкл, церемонно целуя ей руку.

Пилар лукаво улыбнулась: она вовсе не скучала, но ни Майклу, ни Гарсиа необязательно знать о новом поклоннике. Она кротко потупилась и тихо проворковала:

– Да, я побоялась идти куда-нибудь одна в незнакомом городе – я же совсем не ориентируюсь в Лондоне.

Она густо покраснела, вспомнив об импресарио – вот кто может проговориться! Необходимо срочно предупредить его, чтобы не болтал лишнего.

Майкл не обратил внимания на ее пылающее лицо.

– Надеюсь, сегодня я исправлю вчерашнюю ошибку, – заявил он.

Пилар одарила его таким многообещающим взглядом, что он чуть не забыл о второй цели своего визита – подбросить замшевый мешочек на место драки. Майкл рассчитывал, что Гарсиа вернется за ним, и тогда будет необходимо проследить за «грозным мачо» и выявить связи последнего.

С трудом отведя взгляд от стройной фигуры красавицы, одетой в концертное платье немислимой расцветки – какое-то странное сочетание красного с желтым – Майкл осмотрел

комнату и, выбрав укромный уголок между креслом и туалетным столиком, незаметно спрятал там мешочек. Часть миссии была выполнена, и Майкл поспешил занять место в зрительном зале.

Выступление началось, певицу вызвали на сцену, и ее гримерная опустела. Как и предполагал Майкл, Гарсиа не сунулся сам искать потерянную вещь: он поручил это импресарию. Лишь только за Пилар захлопнулась дверь, Энрике Маркос обшарил всю комнату и обнаружил мешочек на полу. В перерыве, ни от кого особо не скрываясь, он передал находку Гарсиа. Толстый мачо крикнул, но промолчал, ведь это он не удосужился предупредить импресарию держать их дела в секрете.

От глаз Уиллоуби не укрылось, как замшевый мешочек перекочевал из кармана Маркоса в карман толстяка. На всякий случай Майкл решил держать соперника в поле зрения.

Во время концерта ничего не происходило, да и трудно было представить, что кто-нибудь явится за посылкой прямо в зрительный зал, поэтому Майкл наслаждался пением прекрасной мексиканки.

Стихли аплодисменты, певица удалилась к себе, чтобы поменять красно-желтое платье, от которого у Майкла рябило в глазах, на строгий костюм. Театральные служители вносили в гримерную корзины цветов – лондонцы сегодня расщедрились: все же зима, и цены на оранжевые цветы кусались.

Майкл вспомнил, что обещал подождать Пилар после выступления. Он предвкушал приятный вечер, тем более он еще не загладил вину перед сеньоритой за вчерашнее. Он вспомнил, как пытался избежать знакомства с ней на корабле и усмехнулся: они так хорошо смотрятся вместе – оба высокие, красивые. Куда там сморчку Гарсиа – толстый денежный мешок, и ничего больше!

А вот кстати и он пробирается к выходу в компании телохранителей, озираясь по сторонам. Латиноамериканец надел пальто, закутал нос в шерстяной шарф и нахлобучил сомбреро: он вынужден был расстаться со своим украшением в концертном зале. Телохранители остановили кэб, и все трое уселись внутрь.

Повинуясь импульсу, Уиллоуби бросился вслед за Гарсиа. Он взял следующий экипаж и приказал ехать за первым кэбом. Сдержанный по характеру кэбмен не стал расспрашивать клиента, зачем ему это понадобилось, к тому же зачатки любопытства были подавлены купюрой приличного достоинства.

Приятный вечер в обществе Пилар откладывался на неопределенное время.

Если этот павиан Гарсиа, получив назад потерю, срочно куда-то едет, то это наводит на размышления. Вероятно, дело действительно важное, если он отложил любовные поползновения и не зашел к Пилар после концерта.

Майкла кольнула мысль, что он тоже не зашел, и сеньорита напрасно его ждет – придется снова вымаливать ее высочайшее прощение.

Экипаж колесил по вечернему Лондону, расцвеченному газовыми и электрическими фонарями. В витринах магазинов были установлены фигурки, иллюстрирующие известные библейские события. Кое-где к марципановым или фарфоровым Марии и младенцу добавили фигурки волхвов и имитацию Вифлеемской звезды.

Гарсиа вышел на Риджент -сквер и направился в небольшой ресторан, расположенный тут же, на площади. Телохранители последовали вместе с ним, и как только живописная тройца в пестрых сомбреро скрылась за дверьми, Уиллоуби наскоро расплатился с кэбменом и двинулся следом.

Он увидел то, что хотел, через матовое стекло дверных створок – Толстый Гарсиа пожимает руку блондину в черном костюме, с жемчужной булавкой в галстук – этого человека

Майкл вспоминал целый год за океаном, мечтая о мести. Именно он причинил Майклу самое большое зло в жизни, зло, оставшееся неоплаченным – это был Чарльз Морстен.

Глава 15

Майклу не удалось приблизиться к столику, где проходила встреча двух договаривающихся сторон, не говоря уже о том, чтобы подслушать разговор – он опасался столкнуться лицом к лицу с охранниками этих типов. Он успокоил себя тем, что контакт обнаружен, а, значит, будет, о чем доложить Барнету. На этом Уиллоуби счел свою миссию законченной и, взглянув на циферблат часов, решил, что еще не поздно вернуться к Пилар.

Она, несомненно, отправилась в отель – именно туда и явился Уиллоуби, как ни в чем не бывало словно это не он час назад колесил по Лондону, наблюдая за Гарсиа. Он раскраснелся в этой гонке, глаза азартно блестели, словно молодому человеку повезло выиграть в рулетку.

Он подарил Пилар виноватую улыбку, и она, запутавшаяся между любовью и ненавистью к этому человеку, почувствовала себя счастливой – да, он заставил поволноваться, но ведь пришел! И лицо мексиканки засветилось от счастья.

– О Майкл! – прошептала она, обнимая его прямо у порога.

Он легко погладил ее по голове и поцеловал в закрытые глаза, попутно заметив, что из всех букетов она взяла с собой в отель только его орхидею – цветок был любовно помещен в вазу матового английского фарфора.

– Я испугалась, что ты не придешь, – продолжала она.

– Я же обещал, – ответил Майкл.

Пилар выпустила его из своих объятий и поинтересовалась игривым тоном:

– А где ты пропадал? Ждешь его, ждешь, а он... Может быть, ты успел назначить свидание другой мисс?

– Может быть, – так же игриво ответил он.

– Может быть?! – вскрикнула сеньорита и фыркнула по-кошачьи.

– «О боже, она принимает все всерьез, – с неудовольствием подумал он. – А как же с чувством юмора?»

Он притянул ее к себе и спросил, прямо глядя ей в самую глубь зрачков:

– Разве я давал тебе хотя бы один раз повод для ревности?

– Нет, но... – замялась Пилар. – Мне стоило большого труда завоевать тебя, и я боюсь даже мифических соперниц.

Пилар одарила его таким манящим взглядом, что молодой человек почувствовал себя в плену ее чар.

– Вообще-то я не обязан докладывать тебе, куда я иду и зачем, – он произнес это нарочито грубо, чтобы вырваться из плена ее обаяния. Это ему не удалось, и он добавил склочным голосом. – По-твоему, у меня и дел нет никаких, кроме, как за юбками бегать. Я деньги добываю, чтобы делать тебе подарки, красотка.

– Лучше бы ты меня любил, просто так, без всяких подарков, – горько вздохнула Пилар и отошла вглубь комнаты.

Внезапное хамство со стороны любимого человека горькой каплей упало на дно ее сердца: Пилар поняла, что он и наполовину не чувствует то, что ощущала она.

Так было и раньше: приходили и уходили поклонники и обожатели, но этот красивый англичанин сумел завоевать ее сердце. Она представить не может, как ей вынести тяжесть расставания, если он от нее отступится. Пилар вдруг ощутила такую пустоту в сердце, что даже застонала от пронзившей ее боли.

– Прости меня, – быстро произнесла она, умоляюще глядя на него. – Я не буду надоедать тебе ревностью и не полезу в твои дела.

В душе Майкла что-то дрогнуло, и он, ругая себя за жестокость, подошел к Пилар и молча поцеловал ее.

Он снова вернулся домой под утро, получив выговор от Барнета и порцию презрительных взглядов от Евы. Миссис Томсон, кажется, перестала принимать участие в его воспитании – она проспала момент возвращения домой своего любимца.

Майкл успел пошептать с Барнетом о том, кому предназначалась посылка в виде мешочка. Впрочем, Джереми и сам догадывался, что за всем этим стоит Морстен.

– По логике вещей, если не я, то это дело рук проклятого Магистра. Кроме нас, в Лондоне это никому не по зубам. – заявил главарь. – Но как он меня опередил?

Они вполголоса разговаривали в комнате Майкла, чтобы, не дай Бог, не услышала Ева.

Майкл мечтал сейчас только о том, чтобы выспаться после свидания с мексиканкой, но Джереми, похоже, и дальше собирался разводить туры на колесах: он смаковал, рассуждая о делах заклятого противника.

– Не хочешь ли и ты влезть в это дело, Джереми? – перебил его Майкл. – Тебе только контрабанды камней не хватает для полного счастья!

Барнет хмыкнул неопределенно.

– Там посмотрим... Должен же я знать, чем живет этот выпускник Оксфорда. Но ты тоже хорош: не мог подслушать, о чем беседовали два сучика-голубчика.

– И попасть на глаза его телохранителям! – возмутился Майкл.

– Да брось ты —«на глаза»! Ты на свидание спешил к этой...

– Ну и спешил. А почему это тебя так волнует?

Джереми усмехнулся и махнул рукой:

– Да не волнует. Это Ева вчера всю плешь проела, куда ушел Майкл и зачем, и почему я позволяю тебе не ночевать дома.

– Попробовал бы не разрешить! – встрепнулся Майкл.

Он снова подумал о поисках квартиры в аренду.

А строгий главарь неожиданно засмутился и перешел на еле слышный шепот:

– Ну не могу же я рассказать девочке во всех подробностях, где ты бываешь и что делаешь. Пришлось выкручиваться.

– И как же ты выкрутился? – насторожился Майкл.

Смущение Барнета возросло в геометрической прогрессии.

– Я ей сказал, что ты пошел менять книги в общественную библиотеку.

– Врать не умеешь. Я же не миссис Томсон, чтобы читать романы, – возмущению Уиллоуби не было предела. – А если она спросит, что я сейчас читаю?

Джереми отмахнулся:

– Наболтаешь что-нибудь, у тебя язык хорошо подвешен. – Он посерьезнел на полуслове. – И все-таки плохо, что ты не довел до конца дело с контрабандой.

Майкл посмотрел на циферблат каминных часов. Было без десяти шесть.

– Джереми, – взмолился он. – Дай мне поспать хотя бы до девяти. А потом я сам найду свою команду и организую наблюдение.

Барнет согласно кивнул и направился к двери.

Через два часа Майкл спустился в кухню – царство тетушки Томсон – и налил себе стакан воды. На лестнице он столкнулся с Евой. При его виде юное дарование сделало гримасу.

– А... это что, библиотечный штамп? – поинтересовалась она, указывая кончиком пальца на еле заметный след губной помады на его рубашке.

– Ты сама прекрасно знаешь, что это, – не слишком вежливо буркнул он.

– Какой вульгарный цвет, какая дешевка! – притворно возмутилась она. – И ты якшаешься с подобными дамами?

Она фыркнула и, слегка задев его рукавом, прошла мимо.

– Съезжать отсюда, и как можно скорее, – снова промелькнула та же мысль.

Глава 16

Стивен Хэнстед объявился через три дня: он принес сведения о Магистре. Найденных материалов явно не доставало для шантажа, и адвокат предварил свой доклад замечанием:

– Учти, Майкл, тебе нелегко будет найти способ отомстить ему – этот тип крайне осторожен и предпочитает проворачивать дела чужими руками.

Они сидели в пабе, занимая самый дальний столик. Посетители шумели, обсуждая газетные новости и подготовку к футбольному сезону. Гул чужих голосов заглушал беседу этих двоих.

– У Магистра нет слабых мест? – спросил Майкл.

Им принесли по кружке эля, и они оба, как по команде, отпили по глотку, а затем отодвинули кружки на середину стола. Хэнстед обвел глазами посетителей и, убедившись, что их никто не подслушивает, продолжил:

– Этот Магистр без нервов и привязанностей, для него не существует ничего святого. Родители давно умерли, братьев и сестер нет, жена...

Стивен покосился на Майкла и покраснел, закашлявшись от смущения.

– Мне известна судьба его жены, – остановил его Майкл.

– Он – записной Дон Жуан, – рассказывал адвокат. – Но даже здесь ты не сможешь его прищучить: Морстен меняет свои привязанности, как перчатки, но я не помню ни одного случая, чтобы брошенные им дамы порывались сделать ему гадость. Возможно, это объясняется его щедростью, ведь женщины, как правило, корыстны.

– Не хотелось бы связываться с его пассиями, – засомневался Уиллоуби. – Стив, ну неужели он нигде не засветился? Он же грешит по сто раз на дню...

Адвокат отрицательно покачал головой.

– Если мы поднимем дела банды, то ничего не достигнем: у него есть свой адвокат и, между прочим, Магистр платит ему более щедро...

Майкл едва не задохнулся от возмущения.

– Во-первых, вопрос об оплате не ко мне, а к уважаемому Кроту; во-вторых, насчет этих сведений мы сговорились на определенную сумму – ты согласился, так что наш договор пересмотру не подлежит. А в-третьих, ты пока не сообщил ничего такого, за что следовало бы заплатить.

На лице Уиллоуби было нарисовано разочарование, и Хэнстед поспешил подсластить пилюлю:

– Если Магистр захочет собрать сведения о нашем дорогом шефе, результат будет аналогичным. И я честно отработаю свой, пусть и небольшой гонорар.

– Возможно, насчет дел Барнета ты и прав, но, к сожалению, и у нашего дорогого шефа есть слабое место, и очень болезненное, – задумчиво произнес Майкл.

Хэнстед смотрел на него непонимающе.

– Ева, – пояснил его собеседник.

И сразу все стало ясным, ведь не было ни одного человека в банде, который не знал бы о привязанности шефа к единственной дочери.

– У Морстена есть внебрачный сын, но некоторые факты заставляют предположить, что он более чем равнодушен к своему отпрыску.

Адвокат замолчал, а на лице Уиллоуби отразилась заинтересованность, и он кивком головы попросил собеседника продолжать.

– Мать мальчика, бывшая любовница Морстена, уехала в Америку. Она вышла замуж за американца и, естественно, взяла с собой малыша. Узнав об этом, Морстен выкрал ребенка и привез его в Лондон. Правда, его поступок мне кажется нелогичным: мальчик живет

у чужих людей, под чужой фамилией. Новоявленный папаша оплачивает содержание сына, но и только...

Майкл удивился:

– Что значит, «и только»?

Адвокат придвинул к себе кружку.

– Да ты бы видел этих негодяев! Знал бы Морстен, в какие руки он передал мальчика! Они издеваются над ним, совсем запугали. – возмущался Стивен. – Видел я этого парнишку – маленький, худенький, собственной тени боится.

Майкл тоже придвинул к себе кружку.

– Как тебя понимать, Стивен? Такой большой босс, как Магистр, позволяет плохо обращаться со своим сыном? – засомневался он.

– Магистр считает, что только жестокостью можно воспитать настоящего мужчину. Без жалости и сантиментов. Он хочет сделать из мальчика спартамца.

– Спарта давно погибла, уступив просвещенным Афинам. – заметил Уиллоуби. – Теперь я вижу, что кое-кому уроки истории не идут впрок.

– Кстати! – вдруг вспомнил адвокат, – К мальчику ищут учителя по французской борьбе.

– С чего это вдруг? – поинтересовался Уиллоуби. – Довесок к спартанскому воспитанию?

– Мальчишка-то хилый, никуда не годится. Его и курица обидит, хотя ему уже пошел двенадцатый год, – пояснил Стивен. – Морстен посулил заплатить хорошие деньги.

Майкл задумался: сведения о мальчике его заинтересовали. Адвокат еще что-то говорил, но Майкл уже погрузился в размышления.

– А... как зовут ребенка? – перебил он.

– Марк Сэливен, – отозвался адвокат.

Уиллоуби снова задумался, и, пока Хэнстед допивал свой эль, сосредоточенно чертил на бумажной салфетке какие-то значки.

– Где находится мальчик? Он в Лондоне? – уточнил Майкл.

Стивен назвал один из отдаленных пригородов столицы.

– Что же, это меня вполне устраивает, – заявил Уиллоуби. – Теперь у тебя, Стивен, есть возможность сделать доброе дело сразу двоим – мне и Морстену.

И, заметив на лице адвоката непонимание, уточнил:

– Проверь по своим каналам возможность устроиться учителем к сыну Морстена.

– Ты? – воскликнул Хэнстед.

– Я, – выдохнул Уиллоуби.

Он пока не осознавал до конца, зачем ему это нужно, и действовал скорее интуитивно, но что-то внутри него говорило, что этот замученный спартанским воспитанием мальчик и есть слабое место заклятого конкурента, по которому его можно больно ударить.

Глава 17

Бывшая команда Майкла, узнав о том, что их предводитель вернулся в Лондон, заранее договорившись, собралась под его крыло. Это были уже не те шепотные мальчишки из низов, попортившие много крови невозмутимым полицейским. Они повзрослели, забурели, многие успели жениться, но воспоминания о приключениях юности заставляли кипеть их кровь, поэтому они так легко отозвались на первый зов главаря.

Майкл пообещал повести всех на «дело» в ближайшее время и отпустил команду на время по домам, а Паркера попросил задержаться. Он поручил Эдди следить за Гарсиа и ежедневно докладывать обо всех его передвижениях и контактах.

– Понимаешь, у этого типа намечаются какие-то непонятные дела с нашим конкурентом, я их засек вместе, но подойти ближе и подслушать их разговор не сумел – меня знают в лицо и тот, и другой. А ты им не примелькался.

– Да, но как я узнаю этого... Гарсиа? – спросил Паркер.

Он заранее предчувствовал удовольствие от этой «работенки», связанной с выделением адреналина в кровь.

– Я покажу его издали, – пообещал Уиллоуби.

Он проводил Паркера в отель, где проживал латиноамериканец, и продемонстрировал толстого мачо во всей красе.

– Похоже, он никогда не расстается со своим сомбреро., – усмехнулся Паркер. – В таком случае необязательно было показывать его. Сказал бы: тот, в широкополой шляпе, я бы понял.

– А вдруг бы он поменял свое сомбреро на цилиндр или борсалино? – резонно возразил Майкл.

Он поскорее раскланялся и ушел, чтобы никто не успел засечь их вдвоем с Паркером. Молодой джентльмен спешил домой переодеться для встречи с Пилар.

Его встретила озабоченная миссис Томсон. На вопрос Майкла о том, что произошло, домоправительница молча кивнула в сторону второго этажа – оттуда доносились молодые зычные голоса, звонкие девичьи и хриплые мальчишеские. Стало ясно, что скучающая на каникулах Ева пригласила гостей, и они расшумелись в отсутствие Джереми.

Говорили все вместе, перебивая друг друга и не слушая остальных, а потом вдруг разразились таким оглушительным хохотом, что картины, висевшие в салоне, закачались. Кошка Милли, мирно дремавшая на подушке, открыла глаза и стала озираться по сторонам, недоумевая, кто посмел нарушить ее драгоценный сон.

Майкл поднялся по лестнице и осторожно приоткрыл дверь в комнату Евы. Его взору предстала умирающая от смеха компания – это были три девочки и два мальчика, по виду не взрослее пригласившей их хозяйки. Мальчиков – симпатичного блондина с круглым лицом и рыжего толстячка с россыпью веснушек на лице – он видел впервые. Девочки, кажется, приходили когда-то: Майкл не запомнил подружек Евы. Кроме того, девочки так быстро взрослеют...

Смех постепенно стал стихать, и Ева произнесла, обращаясь к одному из мальчиков:

– Ты прекрасный рассказчик, Дэни. Теперь твоя очередь, Мэгги...

Сидевшая рядом с ней девочка затараторила:

– Старый аптекарь отлучился куда-то на час, оставив вместо себя ученика. Возвращается и спрашивает...

Майкл, не дослушав, сбежал по лестнице и заглянул в кухню, где домоправительница мазала топленным маслом свежее испеченные булочки. Запах сдобы и корицы распространился по всему дому, и Майкл невольно сглотнул слюну.

– Хочешь булочку? – спросила миссис Томсон своего любимца.

– Как всегда, – улыбнулся Майкл. – Ваши булочки, миссис Томсон, я вспоминал и за океаном.

– Так ешь на здоровье.

– Куда Вы столько напекли? – Майкл осторожно взял булочку.

Миссис Томсон посмотрела в сторону второго этажа и пояснила:

– Ева попросила подать к пятичасовому чаю.

– Кстати, что это за мальчики у нас в доме? Знакомые Евы? Как они познакомились, ведь Ева учится в школе для девочек? – недовольно спросил Майкл.

Миссис Томсон только головой помотала:

– Ой, я ничего не знаю. Она сказала, что это братья ее подруг.

– Послушайте, а Джереми известно об этих визитах, ведь это неприлично – Ева приглашает в дом мальчиков, а из каких они семей? – возмутился Майкл.

Он произнес это с таким жаром, что миссис Томсон отвлеклась от своих занятий и посмотрела на него подозрительно. Она вспомнила, что Майкл всегда опекал по возможности маленькую Еву, поэтому смягчилась.

– Да известно ему обо всем, но ничего с доченькой поделать он не может. Избаловал ее, а теперь пожинает плоды, – произнесла домоправительница.

В это время с галереи второго этажа послышался громкий требовательный крик Евы:

– Эй, Томсон, где наш чай? Или фэйф-о-клок сегодня отменяется?

Словно в ответ на ее слова каминные часы в гостиной пробили пять раз. Миссис Томсон растерянно посмотрела на Майкла.

– Заговорила я с тобой, – виновато произнесла она. – И вправду позабыла подать чай.

Она засуетилась, собирая поднос, а Ева тем временем снова проявила признаки нетерпения:

– Ну что Вы там копаетесь? Это не комильфо...

Майкл высунулся из кухни и очутился один на один с раскрасневшейся от возмущения девушкой. При виде тетушкиного любимца она поджала губы и гордо отвернулась, а потом стрельнула глазками и заявила с некоторой издевкой:

– Не ожидала тебя увидеть в это время. Не иначе, твоя мексиканка отменила свидание.

– А уж это тебя не касается, – сердито оборвал он. – И перестань разговаривать с миссис Томсон таким тоном.

– Каким таким тоном? – вскинулась Ева. – Она забыла про чай. И что, по-твоему, я не могу сделать замечание прислуге?

– «Спокойно, Майкл, спокойно,» – подумал Уиллоуби, ощущая острое желание влечь Еве весомую пощечину.

– Послушай, юное дарование, иди лучше к гостям. – произнес он, с трудом сдерживая ярость, – Миссис Томсон все подготовила, и я сам подниму поднос наверх.

А под конец не преминул уколоть:

– Между прочим, кое-кому эта прислуга приходится родственницей, так что придержи-ка ты свой язычок.

Ева снова изобразила презрение, гордость и неприступность – это было так смешно, что Майкл невольно фыркнул от смеха.

Он передал Еве полученный от домоправительницы поднос, и она удалилась в свою комнату, не проронив ни слова.

– «И почему она кривляется передо мной, как обезьяна? – подумал Майкл, провожая ее взглядом. – Слово в простоте не скажет. Нет, надо съезжать отсюда. И как можно скорее.»

А Ева, обеспокоенная тем, что, как бы замечание Уиллоуби о ее родстве с прислугой не дошло до чужих ушей, тоже недобро подумала о нем:

– «Грубый мужлан, разве такой сможет понять утонченную душу? Да никогда! Правда, с тетушкой Томсон я погорячилась, хотелось покрасоваться перед друзьями. Ну что же, придется попросить у нее прощения. Тетушка меня любит и простит. Но каков Майкл – встал на тетушкину защиту, как будто я испанец из „Непобедимой Армады“! Скорее бы каникулы закончились!»

Ее размышления продолжались и во время фэйф-о-клока. Гости пили чай и нахваливали булочки миссис Томсон. Ева разыгрывала роль хозяйки дома и любезно предлагала отведать еще и еще. Довольные мальчики не заставляли просить себя дважды, и вскоре поднос опустел.

– «Может быть, Майкл рассердился из-за моих гостей? Ведь это впервые ко мне приходят мальчики. Но ему-то что за дело? Я, к примеру, внимания не обращаю на его мексиканку.»

Она недолго находилась в недоумении по поводу поведения Уиллоуби. Внезапная догадка поразила ее:

– «Да он просто-напросто влюбился в меня!»

Эта мысль обрадовала ее, и Ева гордо подняла кверху свой носик.

Глава 18

А Майкл не пошел ни на какое свидание. Он приоткрыл дверь своей комнаты и сидел там, раскрыв книгу и прислушиваясь к происходящему в комнате Евы. А оттуда доносились то хохот, то громкий разговор, то пение. Часы пробили шесть, затем семь часов, а гости все не расходились, и негодование Майкла возрастало, словно дрожжевое тесто.

Внизу раздался мелодичный звон дверного колокольчика – это вернулся Джереми. Было слышно, как он разговаривает с домоправительницей, как она закрывает дверь на засов и задерживает тяжелые портьеры.

– «Черт знает, что происходит. Похоже, гости не собираются по домам: почему Джереми не реагирует?» – обозлился Майкл.

Он поспешил спуститься в гостиную, где вошедший с холода хозяин дома грел озябшие руки у камина. Однако по лицу «благородного отца» не было заметно, что он недоволен присутствием посторонних в доме. В комнате Евы шумели по-прежнему, и к звукам голосов добавились нестройные аккорды, которые кто-то упорно выколачивал из старенького пианино.

Барнет поздоровался с Майклом и кивнул в направлении шума:

– Гости еще здесь?

– А разве ты не слышишь? – съязвил молодой человек, – Я думаю, к нам скоро постучат соседи, узнать, кто из нас пытается пианиста.

– Майкл, не будь занудой, это же дети. Ну, подумаешь, немного пошумели.

Барнет снисходительно улыбнулся, но его снисходительность не тронула бывшего воспитанника. Более того, его поразило то, что требовательный к своей банде, педантичный главварь, в присутствии дочери превращается в сладкий сироп.

– Как это понять, Джереми? Тебя не волнует, что твоя дочь проводит время в компании мальчиков? – возмутился Уиллоуби, – Разве этому ее учили в частной школе?

– Да не этому, – с досадой ответил страдалец в роли отца взрослеющей дочери, – Моя девочка сказала, что сейчас так принято в высшем обществе.

– Что принято?

– Ну, чтобы молодежь общалась, собирались вместе, гуляли...

– Заводили романы... – поддакнул Майкл, перейдя на менторский тон, чем несказанно удивил собеседника.

– Ну, уж это ты хватил, – испугался Джереми, а потом добавил, успокаивая себя, – Я полагал, миссис Томсон присмотрит...

– Ей хватает дел на кухне: она не в состоянии проследить за всем, что происходит в доме. Пришлось мне выступить в роли надзирателя.

В гостиную вошла домоправительница, неся глинтвейн на подносе.

– Погрейтесь, мистер Барнет, это я для Вас приготовила, – она поставила стакан на столик.

– Кстати, Ева совсем загоняла тетушку Томсон, выставляясь перед гостями, – доложил Майкл.

– Да уж, – вздохнула домоправительница.

Джереми остался непоколебим и готов был защищать дочь от любых инсинуаций.

– Оставьте в покое мою девочку, а у Вас, миссис Томсон, спина не переломилась. И ты, Майкл, погорячился насчет романов. Ну какие романы? Она еще ребенок. А ты просто старомоден.

Гости ушли через полчаса. Все это время Барнет и Уиллоуби пробыли в гостиной, споря о том, как надо было воспитывать Еву.

А она влетела в комнату, оживленная больше обычного, смеясь, поцеловала отца в щечку, на лету обняла тетюшку, а затем молитвенно сложила перед ней руки, прося прощение за обидные слова. И только Уиллоуби не удостоился знаков внимания с ее стороны. Она демонстративно отворачивалась, проходя мимо с гордым видом.

– «Опять фокусы, – подумал он, наблюдая за ужимками юной девы, – Разбаловал Дже-реми свое сокровище...»

И за ужином все повторилось, и тогда Майкл решил отплатить ей той же монетой и ни разу не взглянул в ее сторону. Сначала Ева была немного разочарована, а к концу ужина откровенно пялилась на него. Стоило Барнету выйти из-за стола, Майкл и Ева, как по команде, посмотрели друг на друга, и девушка, скорчив премилую гримаску, спросила:

– Ты на меня обиделся, Майкл?

– Обиделся? Вовсе нет.

Он был сама невозмутимость.

– Ты ни разу не взглянул в мою сторону за ужином, – заметила она.

– Можно подумать, это тебя волнует, – парировал он. – Я не хочу соревноваться с твоими блестящими кавалерами. А кстати, кто тебе больше нравится, рыжий толстяк или альбинос с выцветшими ресницами и бледной кожей?

– Только не такой, как ты, – фыркнула Ева, обидевшись за мальчиков.

Майкл захохотал во весь голос: с Евой не соскучишься, с такой богатой мимикой нужно идти в актрисы. А потенциальная Сара Бернар скорчила еще одну гримасу и стала походить на клоунессу.

Их прервала миссис Томсон: она передала в руки Майклу только что доставленную телеграмму, адресованную ему. Телеграмму отправил Хэнстед, и текст ее гласил:

– «Завтра девять утра моем офисе.»

Прочитав телеграмму, Майкл обнаружил, что Ева исчезла. Он с сожалением подумал, что ей, вероятно, наскучило его общество. А жаль, ему так хотелось еще подразнить ее!

Он рано лег спать, а утром, ровно в девять часов открыл дверь офиса адвоката Стивена Хэнстеда.

Любой предмет в помещении офиса говорил о преуспевании его владельца: дорогая обстановка, старинные гравюры и статуэтки. Картину дополняли расторопные помощники и вышколенный секретарь. Сам адвокат работал с бумагами и, судя по его виду, не страдал от отсутствия клиентов.

– Как я уже тебе говорил, Майкл, к Марку Сэлиvenu, сыну Морстена, ищут учителя по французской борьбе. – начал Хэнстед, усадив Уиллоуби в глубокое кресло.

– Да, я помню об этом, – отозвался Майкл, устраиваясь поудобней.

Стивен достал из ящика стола папку и протянул ее заказчику.

– Здесь диплом и документы на имя Эдварда Николсона. Ты же не можешь прийти в стан Морстена под своим именем.

Майкл пролистал бумаги и остался доволен.

– Людей нанимает дворецкий, некий Джон Шэндон – негодяй, каких мало. – продолжал адвокат. – В свое время Морстен вытащил его из Уандсвортской тюрьмы, и теперь он верой и правдой служит своему спасителю. Я не удивлюсь, Майкл, если этот тип выкинет какую-нибудь штуку при приеме тебя на службу. Например, экзамен, а вернее всего, попробует напасть на тебя, когда ты меньше всего этого ожидаешь.

Адвокат посчитал нужным предупредить молодого человека, и Уиллоуби внял его предостережениям.

– Спасибо, Стивен, это не первый и, к сожалению, не последний негодяй, встретившийся на моем пути. Что тогда говорить о Морстене, его хозяине? Ладно, не будем считаться низостью обоих и сравнивать их. Будь они хоть монстры во плоти, я намерен действовать.

Майкл вышел наружу и направился в сторону вокзала: сын Морстена жил за городом. Тихо падал снег – он таял, не долетая до земли, наполняя воздух влагой. Лондонцы спешили по своим делам, молча двигаясь по зимним улицам. Грязь хлюпала под ногами и под колесами экипажей, и только пробивающееся сквозь серые облака солнце оживляло городской пейзаж обычного январского дня.

Скоро Майкл уже сидел в вагоне поезда, направлявшегося в Вулидж. Он еще не знал, как именно нужно действовать, проникнув на территорию заклятого врага.

– «Посмотрим, что за мальчик, – раздумывал Уиллоуби, – Яблочко от яблони, как говорится... Скорее всего, это Морстен в миниатюре – такая же скотина!»

Глава 19

Дом, в котором проживал «наследный принц» империи Морстена, располагался на окраине небольшой станции возле живописной рощицы, в полумиле от железнодорожного вокзала. Здесь было холоднее, чем в Лондоне, даже слегка подмораживало, а белый снег не таял в воздухе, а достигал земли, расстилаясь по окрестным полям и укутывая крыши домов. Он укрывал огромными шапками верхушки сосен и вековых елей, и пейзаж от этого убранства походил на слащавые рождественские открытки. Особняк, построенный в континентальном стиле «фахверке», отличался от безликих английских коттеджей и походил на пряничный домик в витрине немецкой кондитерской.

Однако в сказочном домике обитали вовсе не сказочные персонажи – об этом можно было судить по привратнику, выглядевшему словно Франкенштейн из романа. Майкл, назвавшись Николсоном, сказал, что прочел объявление в «Таймс» и надеется получить место домашнего учителя по французской борьбе.

«Франкенштейн» молча пожал плечами и знаками пригласил Уиллоуби следовать за ним. Они вошли в узкий коридор, ведущий в полутемную гостиную, где их поджидал невысокий спортивного вида шатен, одетый в строгий костюм и белую рубашку.

– Мистер Шендон, этот джентльмен прибыл по объявлению. Он хочет наняться учителем к мистру Марку. – пояснил «Франкенштейн».

– Да неужели? – скривился шатен. – И чему Вы собираетесь научить ребенка? Хорошим манерам? Или чистописанию?

– Хорошим манерам, похоже, следует научить Вас, – разозлился Майкл.

Он уже не сомневался в правоте Хэнстеда: с этим типом надо держать ухо востро.

– Что у Вас в папке? – словно не замечая настроения вошедшего, спросил Шэндон.

– Документы. Диплом об окончании спортивного колледжа.

Нужные бумаги изготовил вездесущий адвокат – если было бы необходимо, то его клиент стал бы обладателем всевозможных титулов, дипломов любых университетов и академий, председателем палаты лордов и помощником местного нотариуса.

Шэндон усмехнулся.

– Ну, давайте сюда Ваш... диплом.

Майкл пристально посмотрел на своего работодателя и полез в папку, но внезапно заметил быстрое движение, направленное в его солнечное сплетение. Реакция его была молниеносной: тяжелая папка обрушилась на руки нападавшего, а в следующий момент двое мужчин сцепились в схватке, топчя брошенную на пол папку.

«Франкенштейн» стоял поодаль, наблюдая за дракой. Он не вмешивался в происходящее, и Майкл догадался, что это и есть тот самый экзамен, который негодяй дворецкий устраивает незадачливым соискателям места домашнего учителя.

– «Врешь, не возьмешь,» – Майкл не намерен был уступать.

Он чувствовал, что Шэндон сильнее его во французской борьбе, но это уже дело чести – не быть положенным на обе лопатки, и Майкл сопротивлялся, как мог. Он даже сам не заметил, как перешел на джиу-джитсу. Соперник удивился, и это удивление стоило ему победы – он потерял преимущество, завоеванное в ходе боя. Как только он отвлекся на полсекунды, Майкл положил противника на спину и послал его коротким сильным ударом под дых.

– Ты, придурок, – задыхаясь, проговорил побежденный, – где твоя... французская борьба?

Он сел на пол, сплевывая и подавая знак «Франкенштейну» не приближаться. Майкл поправил костюм и ответил, сдерживая шумное дыхание:

– Тебе чемпион нужен или умение драться?

– Где твои рекомендации? Ты... – Шэндон проглотил ругательство, вспомнив, что новый претендент сильнее.

А Майкл мило улыбнулся и изобразил удивление:

– Рекомендации? Я согласен, выдайте мне их сами: полагаю, это будет уместно после нашего знакомства.

Побежденный скривился, как будто проглотил горькое лекарство вместо сладкой конфеты.

– Ты дрался не по правилам, наглец! – заявил он, буравя Уиллоуби взглядом.

– Правила? Они существуют для слабых и неуверенных в себе, не так ли?

Он продолжал улыбаться, вербуя Шэндона на свою сторону, и это ему удалось. Тот вскочил с пола и уставился на победителя: нагловатый молодой человек, одетый с иголки; самоуверенный и недалекий. Подобные типы полжизни проводят на стадионе или в спортзале, не прочитав ни одной книги. Вместо этого они наизусть выучили имена чемпионов всех прошедших соревнований, помнят результаты важных футбольных матчей. Самоуверенность ведет их по жизни и заводит их в такие дебри, что заставляет пересмотреть устоявшиеся взгляды на происходящее вокруг.

– А ты мне нравишься, – отозвался работодатель. Он обошел вокруг Уиллоуби, словно работороговец на невольничьем рынке, и вынес окончательное решение:

– Пожалуй, ты нам подойдешь.

– Подойду, – заверил Майкл. – Но для начала я жду извинений за «наглеца» и за «придурка». Я же тебя не обзывал.

– Хорошо, прими мои извинения, – поморщился Шэндон, подумав про себя, что новенький не так прост и выставляет свою наглость, чувствуя за собой силу, поэтому неплохо понаблюдать за этим экземпляром вблизи.

– Так я могу считать себя принятым? – уточнил Уиллоуби.

Шэндон подтвердил это кивком и повел утвержденного кандидата в свой кабинет, попутно приказав «Франкенштейну» позвать воспитанника.

Внутри «пряничного» домика царила спартанская обстановка – никакой роскоши, простая деревенская мебель, дешевые занавески и скатерти. В кабинете – грубый письменный стол, самодельные полки с книгами и огромный сейф. Ни ковров, ни безделушек – присутствие женщин в доме не ощущалось.

– «А кухарка? Поломойка? Неужели к ним никто не приходит? – размышлял Майкл. – Они живут здесь, как в крепости. Можно подумать, сам Шэндон моет полы, а «Франкенштейн» варит овсянку.

Его размышления были прерваны возвращением привратника. За ним бесшумно, словно тень, двигался исхудавший бледный мальчик лет десяти – двенадцати, обреченно смотревший на Шэндона.

– Подойди, дитя мое, – с притворной лаской позвал его дворецкий.

Мальчик напрягся и осторожно приблизился к нему. Он остановился в двух шагах от Шэндона и покосился в сторону Уиллоуби. Внимание ребенка не скрылось от Майкла, он слегка улыбнулся в ответ, но мальчик опустил голову.

– Поздоровайся, Марк, это твой новый учитель мистер Эдвард Николсон, – торжественно провозгласил дворецкий.

– Здравствуйте, – прошелестел ребенок почти беззвучно. Он по-прежнему не поднимал взгляд.

Дворецкий поморщился.

– Неправильно, Марк, повтори еще раз.

– Здравствуйте, мистер Николсон, – равнодушно повторил мальчик и заморгал часто, словно собирался заплакать.

– Здравствуй, Марк, тебя ведь так зовут? – приветливо проговорил Майкл, но мальчик не спешил отвечать. Настала его очередь разглядывать нового учителя, и он долго всматривался в симпатичное лицо незнакомого молодого человека.

– Да, – еле слышно прошелестел ребенок.

– Давай попробуем подружиться, так нам легче будет на занятиях, не так ли?

Мальчик промолчал, а Майкл обернулся к Шэндону:

– Полагаю, мы с Вами обо всем договорились?

Шэндон почувствовал обидный намек в словах этого Николсона, но решил выяснить все до конца:

– А если мы попросим Вас, мистер Николсон, иногда задержаться и переночевать у нас? Как Вы посмотрите на это? Не бесплатно, конечно.

– Странно, я, кажется, не гувернер, – поднял бровь Майкл, однако, покосившись на согбенную фигуру мальчика, согласился на все.

Договорились проводить занятия дважды в неделю – по понедельникам и четвергам. Наконец, Майкл покинул дом, чувствуя спиной злобный взгляд Шэндона, сверливший между лопаток.

Если бы он знал, насколько глубоко он задел гордость негодяя-дворецкого, положив того на лопатки в честном бою. Шэндон поклялся отомстить обидчику, поэтому новоявленному Эдварду Николсону предстояло выдержать груз придирок.

Маленький Марк никак не отнесся к появлению нового учителя – сколько их перебывало, он уже устал их считать и даже не старался запомнить их имена. Они приходили и уходили, а Шэндон оставался и продолжал «воспитывать» мальчика, унижая его ежедневно, ругая за каждую провинность и постоянно запугивая. Марк грустно перелистывал учебник, сидя в своей комнате, скорее похожей на тюремную камеру, чем на детскую – ничего лишнего, только самое необходимое. Вероятно, с появлением нового учителя в жизни Марка ничего не изменится, а потому лучше заняться немецким – с языком у него всегда были нелады.

– Lesen. Las. Gelesen. Gehen. Gang. Gegangen. – он заучивал неправильные глаголы, как молитву: сам Шэндон обещал вечером проверить его знания.

Глава 20

В Лондоне Майкла ожидало неприятное известие: Энди Паркер, которому он несколько дней назад поручил следить за колоритным мачо, избит и находится в общественной больнице. Досадуя на неудачу, Майкл немедленно отправился навестить его.

Паркер лежал в огромной палате, где на соседних койках маялись такие же, как он, бедолаги, получившие травмы, побои, ушибы, и чей тощий кошелек не позволил занять отдельную палату. Припухшее от побоев лицо раненого казалось бледным на фоне серого больничного одеяла, похожего на грубый войлок. Увидев товарища в таком печальном положении, Майкл тяжело вздохнул – ему были известны порядки в подобных учреждениях.

– «Надо договориться, чтобы Паркера перевели в отдельную палату», – подумал Уиллоуби, покосившись на обед, принесенный больному – протертый гороховый суп и серую склизкую кашу.

Он сел на краешек кровати и поздоровался, пожав руку товарища, лежавшую поверх одеяла.

– Как ты нас напугал, дружище. Вся команда переживает за тебя.

– Спасибо, – растроганно прошептал раненый.

– Что говорит доктор?

– Сотрясение мозга, рука сломана... правая. Там такой толстый хряк меня... чем-то тяжелым, я закрывался от ударов, – разволновался Паркер, и его лицо исказила гримаса.

– Осторожно, – остановил его Майкл. – Как это случилось?

Пожилый мужчина, лежавший на койке в углу, стонал от боли; рядом двое громко спорили о чем-то, а индус с перевязанной головой сосредоточенно ел принесенную кашу. Пахло едой, лекарством, немытым телом.

Майкл поморщился:

– Тебя переведут в отдельную палату, Паркер, уж я об этом позабочусь, а то здесь любой твари по паре. Как можно поправиться в таких условиях?

Неожиданно Паркер разрыдался.

– Ты что? – растерялся Уиллоуби.

Он не понимал, почему вдруг разразилась истерика, и как себя вести, когда физически крепкий, хотя и побитый молодой человек вдруг начинает вопить и кликушествовать?

– Оставь меня, Майкл, оставь, – причитал Паркер, хватая Уиллоуби за рукав. – Я же выдал тебя, а ты... мне... Я предатель.

– Поподробней, Паркер – расскажи-ка мне о своем предательстве.

Майкл произнес это таким тоном, что истерика прекратилась на половине всхлипа.

– Я следил за ним, – начал свое повествование раненый, – За этим проклятым латиносом, который даже здесь, в Соединенном Королевстве, не расстается с сомбреро. Я помнил твои уроки, Майкл, и вел слежку по всем правилам. Очевидно, мне не достало опыта... Он меня засек, вернее, не он: где этому самодовольному борову догадаться о том, что кто-то следует за ним по пятам.

– Между прочим, этот боров – один из богатейших людей Венесуэлы, да и сам по себе опасен, – прервал его Уиллоуби, – Прости, но мне кажется, что ты его недооценил.

– Это не так, клянусь тебе всем святым. Я точно знаю, что он меня не заметил, – запротестовал Паркер. – Я попал на глаза людям Морстена, это они меня избили.

– Ну вот, – вырвалось у Майкла. – Не говори, что я не предостерегал тебя: у них какие-то совместные дела. Как же так, Паркер? Теперь наш заклятый конкурент использует твой промах.

Майкл сдерживал себя – все-таки он находился в больнице, а переполненная палата не место для разборок. Стало ясно, что Паркер не справился с заданием, а это обстоятель-

ство требовало выяснений. Скорее всего Морстен воспользуется их промахом, и, кто его знает, не приведет ли это к новой междоусобице между криминальными кланами.

В настоящее время в делах двух главарей царило напряженное равновесие, и эта слежка может быть расценена противником, как вмешательство в его внутренние дела.

Паркер прекрасно это понимал, поэтому изо всех сил старался оправдаться перед Майклом.

– Гарсиа шел на встречу на Кинг Кросс Роуд, там такие особняки, небольшой сквер, дрянной магазинчик. Мы прибыли туда в омнибусе: если ты помнишь, там остановка в двух шагах от Сай-стрит.

– Помню.

– Мы вышли, он направился в сквер и уселся на скамейке, а я затерялся среди выходящих пассажиров, а когда они разошлись, двинулся в сторону магазина и там наблюдал за объектом через витринное окно. Потом хозяин стал смотреть на меня подозрительно, что я брожу и ничего не покупаю. Я тогда вышел и спрятался за угол.

– Ну? – воскликнул Майкл, теряя терпение.

– А за углом меня поджидали люди Морстена. Подрались, конечно, но, Майкл, их было больше, и сам Морстен прибыл туда. Он-то в драку не лез, но меня допросил.

Паркер вновь приготовился закатить истерику, но Майкл не оставил ему ни одного шанса.

– Расскажи, о чем он тебя спрашивал на допросе. Вообще, как это происходило?

– Они затащили меня в экипаж, – прошептал Паркер, оглядываясь по сторонам, словно вездесущий криминальный главарь мог проникнуть и в больницу.

– Экипаж Морстена? – уточнил Майкл.

– Очевидно. Он же в нем приехал. Так вот, затащили меня, связанного, а этот Морстен уже там. Пристал ко мне. «Кого ты, говорит, пасешь?» – Я говорю, мол, никого, что, мол, зашел за угол по малой нужде. Ну, это самое, отлить... А он говорит: «Врешь, мы видели, что ты шел за этим фруктом в сомбреро. Мол, мы давно твою морду срисовали.» Клянусь тебе, Майкл, я не понимаю, как это получилось...

Паркер немного подождал, думая, что Уиллоуби что-нибудь скажет, но тот молчал, и несчастный продолжил свое повествование:

– Позвали этого, в сомбреро, тот вылупил глаза. «Нет, грит, этого стручка ни разу в жизни не видел и не понимаю, с какой это радости он за мной вытанцовывает.» Тут они и принялись за меня.

Майкл помолчал – картина была ясна, но к пострадавшему он не чувствовал сострадания.

– Ты плохой ученик по жизни, Паркер, – мало того, что попался, так еще и дал себя избить.

– Ругай меня, Майкл, ругай. Это за дело! Они все время допытывались, кто меня послал следить за этим... Гарсиа. Мол, такой столб безголовый не мог сам додуматься...

Паркер залился краской, собираясь приступить к заключительной части печального рассказа, но Уиллоуби уже догадался обо всем.

– Ты выдал нас Морстену? – выдохнул Майкл. – Ты сказал, что тебя послал Барнет?

– Нет, я не называл имени Вашего главаря. Я сказал...

– Ну? – в голосе Майкла чувствовалось нетерпение.

– Я сказал, что работаю на Майкла Уиллоуби.

Ну что поделаешь с таким олухом? Испортил все, что мог, спугнул двух хищников – слежка за ними отменяется: они будут настороже некоторое время. Похоже, придется похоронить притязания на дело с контрабандой камушков. После возвращения из Южной Америки

Майкл предпочитал не высовываться. Он держался в тени, готовя мечь Морстену. То, что Паркер выставил его зачинщиком слежки, было неосторожно и преждевременно. Майкл мысленно подвел неутешительные итоги и холодно заметил, глядя на смущенного Паркера:

– Я не бросаю своих слов на ветер и переведу тебя в отдельную палату.

Он встал и, коротко кивнув, направился к двери.

– Стой, Майкл! – закричал Паркер в отчаянии, – Ты так и уйдешь и ничего не скажешь мне?

Секунду Уиллоуби рассматривал носки своих штиблет, собираясь с мыслями.

– А что говорить? Я уже пожелал тебе скорейшего выздоровления, не так ли? После всего, что произошло, слежка бесполезна, а с Морстеном я разберусь, придет время.

Он вышел на улицу и направился к Пилар, благо сегодня она наконец-то была свободна, а завтра начиналась его работа в качестве домашнего учителя у сына злейшего врага. Он досадовал на Паркера, а больше всего на самого себя, но что-то изменить в данной ситуации уже не мог.

Глава 21

Вот уже вторую неделю Майкл пытался научить своего воспитанника хотя бы азам французской борьбы, но напрасно. Хрупкий пугливый мальчик замыкался в себе, если учитель начинал говорить немного громче обычного и сжимался, ожидая удара. Отработка приемов шла еще хуже, чем теоретические объяснения – бедный ребенок не умел сопротивляться и позволял себя бить, ломать, сгибать в позвоночнике сколько угодно – и все без ответа.

Но ведь борьба подразумевает сопротивление, а к нему-то уступчивый характер мальчика не располагал.

– И зачем я в это ввязался? – спрашивал себя Майкл, сожалея о растроченном времени и о том, что позволил себе пойти на поводу у чувства мести.

Он понимал, что, обучая сына врага, готовит себе нового врага, однако, если Майкл Уиллоуби брался за что-то, он делал это хорошо, поэтому, вопреки логике, продолжал заниматься с мальчиком. Он постоянно был занят для Пилар, и их отношения медленно, но верно начали сходиться на нет. Мексиканка не уставала упрекать его в безразличии, и Майклу приходилось оправдываться, но оправдывался он лениво, словно делал одолжение, и уже всерьез подумывал, а нужна ли ему головная боль по имени Пилар?

Поведение Майкла побудило к действию еще одного претендента на благосклонность знойной дивы: толстый Гарсиа продолжал осаждать крепость, забрасывая цветами и подарками. Он видел растерянность Пилар, когда Майкл опаздывал или не приходил вовсе; видел, как жадно она вглядывается в зрительный зал во время выступления, разыскивая англичанина среди публики. Сколько раз Гарсиа приглашал ее поужинать после концерта, и сколько раз она отвергала приглашения, лелея надежду на приход Майкла.

Гарсиа недоумевал, чем вызвана такая снисходительность красивой мексиканки к этому негодному Уиллоуби – он же совсем мальчишка и не может похвастаться весомыми достоинствами, каковыми обладал Гарсиа, но разве поймешь женское сердце? Сколько раз он просил Пилар послать к черту англичанина и обратить внимание в другую сторону, а именно на него, но красавица злилась, и спасибо, что не прогнала.

Неприятности, доставленные Уиллоуби пылкому мачо, были связаны не только соперничеством в любви: наглый англичанин сунул свой любопытный нос в дела Гарсиа, а этого он не прощал никому. По правде говоря, мачо даже не понял, как это получилось, но компаньон по контрабанде, некий Морстен, обнаружил, что дрянной соперник отправил своего шпиона следить за ним, и слежка не была связана с Пилар. Ясно, что мальчишка каким-то образом проник в его секреты и принялся раскручивать их до конца.

Компаньон впал в бешенство, узнав, кто стоит за незадачливым шпионом – Гарсиа показалось, что скверный мальчишка насолил когда-то всемогущему боссу. Он испугался, что тот разорвет недавно налаженный бизнес, но, слава Богу, все обошлось. После того, как Морстен прекратил «плевать огнем» и затих, Гарсиа нехотая пожаловался, что, кроме всего прочего, они соперничают из-за прекрасной Пилар. Морстен посмотрел на него с непонятной жалостью и посоветовал отбить певичку.

– Или я это сделаю сам, – заявил он. – Тем более, я имею честь быть знакомым с сеньоритой: познакомились в вечер Рождества, когда вы оба устроили безобразную драку после ее выступления, и она прогнала вас, обоих. Что оставалось бедняге Морстену? Мне пришлось развлекать девушку. Нехорошо оставаться одинокой, когда все едят рождественского гуся и пудинг.

Гарсиа поморщился.

– Так что, если Вы будете медлить или не преуспеете в ухаживаниях, я сам ею займусь, – добавил Морстен.

Мачо чуть было не взорвался от ревности, однако его остановила заинтересованность в сделке, и он промолчал.

На следующий день Уиллоуби тоже не появился, и Пилар грустила одна в гримерной. Она жалела себя, негодуя на ветреного поклонника. Ну, от непостоянного Майкла ничего другого она и не ожидала, но куда подевался Гарсиа?

Он тоже не пришел, вероятно, ему надоело быть козлом отпущения во всех ее жизненных неудачах. Пилар чувствовала себя совершенно разбитой и опустошенной, не понимая, что необходимо сделать, чтобы вернуть расположение Майкла.

Она долго сидела в почти полной темноте, пока осторожный стук в дверь не прервал ее размышления. При виде огромной корзины бархатистых пурпурных роз, на листьях которых дрожали капли влаги, сердце мексиканки радостно забилося.

– Это Майкл, он помнит обо мне, он любит меня, – прошептала она, взяв в руки букет. Среди цветов белела визитная карточка:

– «Чарльз Морстен, эсквайр». – прочитала девушка напечатанное с одной стороны визитки.

А с другой ее владелец собственноручно написал:

– «Очаровательной сеньорите Каварубия от верного поклонника. Жду Вас у выхода».

– Ах, это всего лишь Чарльз... – капризно протянула красавица.

Она позвала горничную и велела ей заняться цветами, а затем, сказав несколько слов импресарию, направилась к выходу. На губах мексиканки играла довольная улыбка человека, сделавшего правильный выбор. Морстен ожидал ее, сидя в экипаже. Заметив ее, он поспешил открыть дверь, и девушка, не говоря ни слова, поднялась внутрь.

Морстен, словно бес-искуситель, снова пообещал ей приятный вечер, осыпал комплиментами, и Пилар подумала, не последовать ли ей совету Гарсиа, и не послать ли ей к черту Майкла: любовь любовью, но так пренебрежительно, как он, с ней никто не обращался.

А экипаж свернул на Пикадилли, где газовые фонари горели, смешиваясь с блеском витрин. Галантный кавалер взял руку Пилар в свою, и она не выдернула ее.

Глава 22

А у Майкла была причина, по которой он не явился к Пилар: случилось то, о чем его предупредил Шендон – заболел гувернер, и срочно понадобилось, чтобы кто-то остался вечером и на ночь с мальчиком. Майкл согласился, скрепя сердце. По правде говоря, он не испытывал симпатии к подопечному, но не потому, что тот был сыном заклятого врага – его раздражала безвольность «наследного принца». Майкл помнил, как он сам остался сиротой в семилетнем возрасте, и старался выжить среди жестокости и нищеты.

Так получилось, что кривая дорожка в поисках куска хлеба привела его в криминальный клан Барнета, и отныне его жизнь сплелась с жизнью Джереми. Перебирая события детства, Майкл не припомнил ни единого случая, когда бы он праздновал труса или пасовал перед трудностями. Он дрался с мальчишками постарше и посильнее и не отступал, несмотря на синяки и шишки. Может быть, поэтому он стал признанным ребячьим вожаком и остается таковым и сейчас, когда большинству его товарищей минуло четверть века.

А живущий в пряничном домике, окруженный слугами Марк Сэливэн рос слабаком, хлюпиком, не умеющим постоять за себя. Майкл подозревал, что и в будущем он поведет себя так же, ведь от слабости и трусости до подлости и предательства один шаг.

Постепенно в душе Майкла стали закрадываться сомнения: а так ли уж виноват мальчик в том, что он вырос таким, и не правильнее ли будет предъявить претензии к его отцу? Это был тот случай, когда спартанское воспитание могло привести к совершенно противоположному результату, и вместо сильного человека без нервов мог получиться типичный трус.

Майкл удивлялся недалекости Морстена, однако он удивился еще больше, когда, оставшись на ночь в «пряничном домике», он обнаружил, что ребенок попросту недоедает, и это обозлило его еще больше. Накануне у них с Марком вышла размолвка: на очередном уроке мальчик вновь показал такую беспомощность, что «мистер Николсон» не выдержал и наорал на воспитанника. Он тряс его за худые плечи и приговаривал:

– Всегда давай сдачу, если тебя бьют, понял?

Детская голова болталась из стороны в сторону на тонкой шее, глаза вылезли из орбит, рот открылся, и вдруг Марк оглушительно завыл. В промежутках между всхлипами он приговаривал, зажмурив глаза:

– Не бейте меня, мистер Николсон, только не бейте меня...

– Да не собираюсь я тебя бить, с чего ты взял? – опешил Майкл при виде неожиданной истерики.

Он остановился, взял ладони мальчика в свои и посмотрел долгим взглядом в его заплаканное лицо. Теплота и тяжесть ладоней учителя подействовали на ребенка успокаивающе – всхлипы становились все тише и тише, и, наконец, он замолчал. Некоторое время ресницы его были опущены, но потом он осторожно перевел взор на учителя.

Взрослый нарушил молчание первым:

– Я хочу, чтобы ты верил мне, Марк. Я не собираюсь бить тебя, а, наоборот, научу приемам защиты в драке. И тогда ты не будешь плакать и просить, чтобы тебя не били. Тогда никто не посмеет подумать о том, что тебя можно побить.

Шестым чувством маленький человек понял, что новый учитель не похож на Шендона и других мучителей. Возможно, он когда-нибудь ему поверит, а пока... слишком много побоев он вытерпел, и это сделало его крайне осторожным. И тем не менее мальчик прошептал в ответ:

– Я... Вам доверяю, мистер Николсон.

– Я не трону тебя даже пальцем, – пообещал Майкл.

– Я знаю, – голос ребенка звучал так тихо, что Уиллоуби скорее угадал, чем услышал его ответ.

Майкл уже в который раз задумывался над происходящим – над тем, какая тяжелая атмосфера царила под крышей «пряничного домика». Получается, сведения Хэнстеда были верны, и с молчаливого согласия Морстена над мальчиком издеваются под видом воспитания, и только ленивый не бьет его.

– Отец знает о том, как с тобой обращаются? – внезапно спросил он, поразившись чужой низости и способности топтать ближнего, более слабого.

– Отец никогда не приходит сюда, – потупился Марк. – С тех пор, как он привез меня из Америки, он приезжал дважды, да и то ненадолго. Он даже не поговорил со мной, да гувернер и не позволил бы.

– Что собой представляет твой гувернер?

– Я... боюсь его.

Майкл вспомнил липкие руки и бегающие крысиные глазки мистера Вэлша, так называемого гувернера. Этому типу более подходила роль тюремщика или палача, а воспитанием ребенка он вынужден заниматься по ошибке, поэтому заявление мальчика о том, что он боится Вэлша, вполне соответствовало произведенному на Уиллоуби впечатлению.

– Я здесь для того, чтобы научить тебя драться, и тогда никакой Вэлш не запугает тебя, – заявил Майкл. – Но ты должен помочь мне.

– Как? – спросил мальчик.

– Ты не должен бояться боли, не должен трусить, прятаться и подставлять спину для битья. Научись увертываться от ударов и сам наноси точные удары.

Чувствовалось, что маленькому Марку нравятся перспективы научиться драться и отплатить обидчикам, но соглашаться с Уиллоуби он не спешил.

– Их много, а я один, – вздохнул он с недетской грустью. – Вы уедете, мистер Николсон, а я останусь, и Ваша французская борьба мне не поможет.

– Почему они к тебе цепляются?

– Плохо учусь, плохо веду себя за столом, отвечаю невпопад. Они вообще считают меня тупым.

– Докажи, что это не так. – с жаром предложил Майкл.

Марк вздохнул и посмотрел в сторону.

– Мистер Николсон, я, наверное, и в самом деле тупой. Например, немецкий язык – думаете, я его не учу? Зубрю целыми вечерами неправильные глаголы, перфект, имперфект, плюсквамперфект...

– Что-что? – перебил учитель.

– Давно прошедшее время, – объяснил мальчик. – В немецком языке очень трудная грамматика.

– Не трудней английской, – возразил учитель.

– Да, но, как только мистер Вэлш начинает опрос, я внутренне замираю и забываю все. Он очень больно дерется указкой.

– Ну уж нет, – возмутился Майкл, – Этот Вэлш – сам давно прошедшее время, и я клянусь тебе, что скоро, очень скоро та же указка погуляет по его спине.

Марк представил, как это будет выглядеть, и сдержанно улыбнулся.

– Ого! – обрадовался Уиллоуби, – Ты, оказывается, умеешь улыбаться?

Мальчик, спохватившись, засмутился, но ненадолго и не всерьез: присутствие учителя Николсона вселило в него уверенность, и окружение уже не выглядело мрачным.

– Не бросайте меня, мистер Николсон, – неожиданно попросил ребенок. – Я буду очень стараться на Ваших уроках.

– Ну вот еще, – смутился «Николсон». – Кто тебя бросает? Идем-ка лучше потренируемся – от разговоров сильнее не станешь.

Глава 23

Наконец-то в занятиях наметился сдвиг: маленький Марк поверил в себя и нового учителя, и это принесло плоды. Мальчик начал выкладываться в спортивном зале и, хотя захват, подсечка и другие приемы еще не совсем получались, но прогресс был налицо. А после занятий случился конфуз: когда после душа, уставшие и голодные, они оба прибыли в столовую поужинать, выяснилось, что поданная еда оказалась остывшей и несъедобной.

– Что это значит? – удивился Майкл, оглядывая слипшиеся серые макароны рядом с крохотной разваливающейся тефтелькой. – Это называется ужин?

– Да, мистер Николсон, я такое ем каждый день, – огорошил мальчик, берясь за столовые приборы.

Майкл впервые остался в доме на ночь и раньше никогда не трапезничал в «пряничном домике», но ему приходилось видеть, какой стол сервировали для Шендона и других.

– «Грязные свиньи, – с негодованием подумал он, – Мало того, что издеваются над мальчишкой, так еще и обедают его.»

– Положи приборы обратно, – яростно шепнул он воспитаннику. – Мы это есть не будем.

Я не стану описывать скандал, который Уиллоуби затеял вызванному повару и заглянувшему на шум Шендону. Еще немного, и тарелки с неаппетитной едой полетели бы на пол. Возразить было нечего, и через некоторое время обоим принесли новые блюда – тушеные овощи с мясом и нежной подливой с розмарином, черничный пирог и компот.

– Я никогда так вкусно не ел, – радовался мальчик, уплетая еду за обе щеки. – Только... скоро вернется мистер Вэлш, и все пойдет по-старому.

Он заметно опечалился, припомнив издевательства, которые он претерпел от своего гувернера.

– Как знать, – отозвался учитель, загадочно улыбаясь. – Вэлш ухитрился заболеть, у него инфлюэнца. Проболеет он недели две, а за это время многое может измениться.

Две недели пролетели незаметно, однако за это время изменилось отношение к мальчику в доме, благодаря заступничеству Уиллоуби. За обедом повар без напоминаний подал Марку нормальную порцию, памятуя о вечернем скандале. Он даже пожелал ребенку приятного аппетита, чего раньше никогда не делал. Шендон сладко улыбался при встрече с обоими, спрятав старую ненависть глубоко внутрь.

Марк, поверивший в себя, обнаружил замечательные способности к занятиям спортом, так что к моменту возвращения гувернера, мистера Вэлша, это уже был другой человек.

Майкл сделал перерыв в делах у Барнета и не появлялся в его доме, проводя сутки напролет рядом с воспитанником. Он не виделся с Пилар и не знал, что ждет его по возвращении. А Барнет проводил Еву в пансион – каникулы закончились, и она продолжила учебу. С одной стороны Майкла обрадовал ее отъезд: он уже достаточно пострадал от ее выходов, а с другой – без шалостей Евы в доме было скучно.

Вэлш, приступивший к своим обязанностям, поразился уверенности в глазах и движениях Марка. К сожалению, он не сделал из этого соответствующих выводов – годы издевательств над беззащитным ребенком притупили его не слишком выдающиеся от природы умственные способности, к тому же его самонадеянность переросла в апломб. Он ошибся, когда попробовал вести себя с Марком по-прежнему. В первый же день он протянул руку, чтобы открутить мальчику ухо – «милая» забава, продельваемая не один раз на дню, но дальше произошло то, о чем он не мог предположить: Марк поймал его руку в движении и ловким приемом заломил ее за спину. Вэлш удивился и напрочь потерял инициативу, а расхрабрив-

шийся маленький негодяй, окрыленный первым успехом, подставил ему подножку и отточенным движением толкнул его на пол.

Удивление гувернера переросло в злость – он был готов растерзать мальчика, не считаясь с последствиями. И неизвестно, чем бы это закончилось, если бы не появление на сцене Эдварда Николсона, который, будучи осведомлен о скверных привычках гувернера, специально задержался в доме, чтобы в случае чего прийти на помощь воспитаннику. Вэлш поднялся, изрыгая ругательства, и стал медленно наступать на Марка, а тот осторожно отступал к стене, не отводя взгляда от искаженного лица противника. Как только спина мальчика коснулась стены, Вэлш приготовился ударить его и уже сжал кулаки, как вдруг за его спиной послышался спокойный голос:

– Одну минуту.

Майкл, одетый в элегантный костюм, сшитый точно по фигуре, стоял в дверях и наблюдал за разыгрывавшемся действием. Внешне он казался невозмутимым, только бледность и недобрый прищур глаз выдавали его состояние. Вэлш встрепенулся.

– Какого черта ты тут делаешь? Ты мне мешаешь, – прорычал он, досадуя на внезапную помеху.

– Мешаю? – холодно переспросил Майкл. – А позвольте поинтересоваться, мистер Вэлш, для чего Вас нанимали – для того, чтобы учить мальчика или издеваться над ним?

Оторопевший Марк переводил взгляд с одного «гувернера» на другого, а затем решительно шагнул в сторону Уиллоуби, как будто сделав выбор. Поравнявшись с Вэлшем, он сморил его глазами с головы до ног – и это тоже считалось наглостью: раньше мальчишка ходил тише воды, ниже травы и не смел смотреть на своего педагога.

– Что ты вмешиваешься, Николсон? Не слишком ли много ты на себя берешь? А может быть, ты метишь на мое место? – предположив это, Вэлш впал в неистовство и не переставая орать благим матом, бросился на Майкла.

Через пару минут стало ясно, какую опрометчивую вещь он сделал – нетрудно было догадаться, что победа была predetermined – учитель владел французской борьбой в совершенстве. Лежа на полу – (во второй раз за сегодняшнее утро!) – Вэлш уже не орал, а тихо скулил, приговаривая:

– Я позову людей.

Выполнить же свою угрозу он не спешил, очевидно опасаясь позора. Он попытался освободиться из железных объятий Уиллоуби, сжавших его на манер кандалов, но это ему не удалось, и он еще сильнее задержался.

– Ах, ты еще и трепыхаешься! – возмутился Майкл.

– Эдвард, – взмолился Вэлш, – отпусти меня. Ну что тебе до этого хлюпика, если он безразличен собственному отцу.

– А вы, негодяи, пользуетесь тем, что за мальчика заступиться некому. Только знаешь, за все в этой жизни нужно платить, и за глупость и самонадеянность тоже.

Далее произошло невероятное: неуловимым движением Майкл вытащил нож из кармана и молниеносным движением разрезал одежду гувернера по длине шва на спине.

– Это тебе за Марка, – заявил Уиллоуби, закончив самосуд. – Попробуй еще хотя бы раз обидеть или унижить мальчика. Он поднялся и вышел, уводя за собой Марка.

– С победой, малыш, – сказал он, пожимая детскую руку. – Теперь твой гувернер поостережется обращаться с тобой, как раньше.

– Благодаря Вам, мистер Николсон, – улыбнулся Марк.

Он понял, что мистер Николсон – не просто его союзник; впервые в жизни у него появился взрослый друг – надежный, словно крепость. И мальчик дал себе клятву стать таким же, как Эдвард, и так же, как он, бороться за справедливость.

Уиллоуби уехал четырехчасовым поездом, но Марк уже не боялся оставаться один на один с Вэлшем и другими мучителями. Настала их очередь бояться.

Глава 24

Прямо с поезда Уиллоуби забежал в паб «Веселая лошадь» – там по вечерам собиралась его команда, чтобы получить сведения о текущих делах. Он был приятно поражен, увидев среди друзей Мэри Келли. Когда-то давно он влюбил в себя эту девушку – последовал короткий роман, а по его окончании Мэри органично вписалась в команду Майкла. Время от времени она выполняла его поручения, затем переехала в Брайтон, бывая в Лондоне лишь наездами. Майкл доверял девушке: именно она хранила документы, разоблачающие Морстена и его приближенных в изготовлении фальшивых банкнот. Эти бесценные бумаги добыла Берта – единственная любовь Майкла, заплатившая за это жизнью. Наличие этих бумаг помогало Барнету держать в рамках заклятого соперника. Последний же мечтал вернуть документы, след которых он считал потерянным.

Мэри Келли выглядела спокойной и отдохнувшей – воздух побережья явно пошел ей на пользу. К тому же, судя по элегантно дорогой одежде, финансовые дела бывшей подружки обстояли блестяще – на ней было приталенное платье черного шелка, широкополая шляпа в тон платью и меховая накидка. Шею украшал белый матовый жемчуг – просто и достаточно дорого. Волосы были уложены в замысловатую прическу, а в ушах поблескивали бриллиантовые серьги. Она кивнула Майклу и закурила тонкую пахитоску, вынутую из портсигара, отделанного перламутром.

Казалось, заштатный паб – не место для такой изысканной дамы, но Мэри, знавшая худшие времена, не обращала внимания на неудобства. Майкл сел рядом с ней.

– Ты приехала в Лондон очень кстати, – сказал Майкл обрадованно. – Мэри, мне крайне необходима твоя помощь в одном деле.

– Я никогда не отказывала тебе в помощи, Майкл, – ответила Мэри. – Что тебе нужно, кого-то обольстить или за кем-то проследить? У меня это получается лучше, чем у кого бы то ни было.

Ресницы Мэри дрогнули: Майкл по-прежнему оставался недосягаемым для нее – такой красивый, умный – лучший из лучших. Как бы ни хотелось ей вернуть назад их роман, она четко осознавала, что это невозможно. А Майкл придвинул стул поближе и вполголоса, так, чтобы слышать его слова могла только Мэри, рассказал ей о Гарсиа.

– Не знаю, где этот человек перешел тебе дорогу, но что конкретно ты хочешь от меня? – деловито осведомилась девушка о цели задания.

Майкл не сомневался в ее повинении, поэтому коротко уточнил:

– Меня интересуют цели контактов с Морстеном.

– С кем же еще, – вздохнула его сообщница. – Иногда мне кажется, что это чудовище до конца своих дней будет замышлять козни. Итак, где я могу познакомиться с Гарсиа?

– Ресторан при отеле «Эксельсиор», кафе на Пикадилли, пара борделей. Но, Мэри, никакого вульгарного заигрывания – ты должна играть роль не содержанки, а бизнес-леди.

– Не понимаю, – удивилась Мэри. – Разве леди может заниматься бизнесом?

Она загасила пахитоску и внимательно посмотрела на собеседника.

– Вполне может, если у нее хватает на это мозгов. Таких женщин еще очень мало в Великобритании, но они существуют. А для Гарсиа этот образ послужит приманкой. – ответил Майкл.

– Но ты же говорил, что он типичный мачо...

– И типичного мачо притягивает непонятное, поэтому не сомневайся, он клюнет.

Подбодренная его уверенностью Мэри перестала сомневаться в успехе предприятия и в ходе беседы лишь уточняла технические детали.

Едва дождавшись вечера, Майкл поехал к Пилар. Его мучила совесть: за две недели он ни разу о ней не вспомнил, всецело занятый Марком. Букет прекрасных свежих роз должен был стать весомой добавкой к тому, чтобы вымолить прощение. Он предвидел заморочки со стороны гордой красавицы – то, что она способна взбрыкнуть и устроить спектакль с швырянием вещей и битьем подвернувшейся под руку посуды, но у него не было иной возможности помириться с ней.

Он приехал задолго до начала выступления и, не заходя в зрительный зал, помчался прямо в гримерную. Пилар была потрясена его появлением и, казалось, не слишком обрадовалась.

– Ты случайно не заблудился, Майкл? – насмешливо поинтересовалась она. – Благодарю тебя за цветы, они прелестны.

– Пилар, я был жутко занят, – вздохнул он, целуя ей руку. – Я скучал по тебе, дорогая.

Он произнес это так неубедительно, что Пилар взбесилась.

– Прекрати валять дурака, – закричала она и замолотила кулаками по туалетному столику. – Скучал он, как же! Ври больше! Убила бы тебя, убила.

На нее накатила волна истерики, и сеньорита принялась подвывать и раскачиваться всем телом. При виде этой сцены Майкл почувствовал неловкость, но предпочел не вмешиваться, дабы не вызвать новый всплеск эмоций. Но лишь только всхлипы затихли, решился вставить словечко.

– Но, дорогая, я говорю правду, – вкрадчиво начал он. – Ничего не случилось, и мы по-прежнему любим друг друга. Миллионы женщин иногда подолгу ждут своих мужчин и не делают из этого трагедию.

Она перестала рыдать и с глубокой печалью посмотрела на бывшего поклонника.

– Уходи, – выдавила из себя Пилар, смахивая слезы. Майкл не слишком серьезно отнесся к ее словам: не в первый раз она его прогоняла.

– А ты не пожалейшь, если я уйду? – спросил он, пытаясь выглядеть непошибаемым и наглым. – Извини, но сейчас ты себя повела, словно глупая вздорная девчонка. Поверь мне, Пилар, я не бесчувственный сухарь, и однажды могу сделать все буквально.

– Ты меня не любишь, – снова заплакала мексиканка.

В дверь постучали. Вошел посыльный, доставивший корзину цветов.

– Для мисс Каварубия, – торжественно произнес он. – Распишитесь пожалуйста.

Пилар расписалась в получении, бросив на Уиллоуби презрительный взгляд. Проводив посыльного, она вытащила из красивой упаковки визитку с золотым ободком. Уиллоуби покачал головой.

– Оказывается, в мое отсутствие ты не теряла времени и обзавелась поклонником, – Майкл чувствовал себя задетым, и мексиканке послышался упрек в его голосе.

– А тебе не все равно? – дерзко произнесла она. – А если я признаюсь тебе, что я никогда не любила тебя, а только спорила с Гарсиа и выиграла этот спор?

Она сунула ему под нос руку с надетым на палец перстнем.

– Что ты сказала? – насторожился Майкл, признавая себе, что его партнерша не так проста, как он о ней думал.

– То и сказала. – повторила Пилар. – Я поспорила с Гарсиа, что закручу с тобой роман, ну... и выиграла.

Она тут же пожалела о сказанном, ибо мужчинам вредно знать правду о них самим. Понимания от них не дождешься, к тому же они слишком непредсказуемы в ответных действиях. Вот и Майкл Уиллоуби, самолюбивый красавчик, то краснел, то бледнел, узнавая подробности пресловутого спора. Он кусал губы от досады, осознавая, что был в то время притчей во языцех для пассажиров парохода. Лучше бы Пилар не рассказывала о споре.

– Ты по крайней мере не продешевила? – разозлился он. – Перстень того стоит?

– Конечно, здесь больше одного карата, – улыбнулась она, и Майкл понял, что ему лучше уйти.

Глава 25

Мэри Келли с энтузиазмом отнеслась к выполнению задания, полученного от Уиллоуби. Несмотря на то, что их роман остался в далеком прошлом, в ней продолжала жить надежда на его возобновление, поэтому она старалась стать незаменимой в делах своего экс-возлюбленного.

Влюбить в себя Гарсиа не составило труда: по наводке Майкла Мэри отправилась в ресторан отеля, где проживал мачо, и без труда отыскала его среди посетителей – этому способствовало ужасающих размеров сомбреро: пока его хозяин пил аперитив, оно висело на спинке стула. Гарсиа ужинал в компании телохранителей, и они шумели так сильно, что другие гости – строгие англичане, хладнокровные скандинавы, чопорные немцы – то и дело оглядывались на них. Их постные лица вытянулись бы еще сильнее, если бы они, в добавок ко всему смогли перевести их оживленную беседу, в которой не было недостатка в сальных шуточках, но к счастью, никто из присутствующих не говорил по-испански.

Гарсиа, более других жестикулирующий во время беседы, раскраснелся и вспотел, и теперь вытирал пот носовым платком необъятных размеров. Официант только что подал главное блюдо – настоящий английский ростбиф, дразнящий аппетит румяной корочкой. Мачо застыл на несколько секунд, обозревая блюдо, а потом зарычал, как сердитый бык при виде красного полотна.

Он брызгал слюной, топал ногами, размахивал руками и кричал, что ни за что на свете не станет есть эту гадость, даже не прикоснется! Разве можно, это не мясо, а сухая подошва. Где соус? Где приправы? Где любимый перец чили, зажигающий огонь во рту? Пусть же сию секунду приведут шеф-повара, и Гарсиа собственноручно покажет, как нужно готовить.

Официант молча слушал, изредка кивал головой и вставлял «да, сэр» – мачо проживал у них в отеле почти месяц и каждый вечер устраивал представления в ресторане, критикуя местную кухню. То он требовал седло барашка, политое соком гуаявы, то приправу из бразильских трав, то сушеных особым способом кузнечиков, а затем, после скандала, уминал раскритикованное им блюдо.

Вот и сейчас, упомянув об остром перчике чили, мачо приготовился высказать нелицеприятные вещи о ресторане, однако внезапно споткнулся на полуслове и застыл, как вкопанный. Официант, ожидающий продолжение представления, и телохранители проследили за его взглядом и поняли, что его выпученные глаза пялятся на незнакомку, вошедшую в обеденный зал и расслабленной походкой продвигающуюся по проходу в сопровождении услужливого метрдотеля.

Она была необыкновенно красива, эта стройная дама в сверкающем парчовом платье, которое чудно облегалo ее идеальную фигуру. Ее отливающие золотом волосы прикрывала модная в этом сезоне шляпка, украшенная страусиными перьями; боа из тех же перьев обрамляло лилейную шею красотки. Дива выбрала столик напротив того, за которым восседал мачо. Она взяла из рук официанта меню в бархатном переплете и углубилась в его изучение.

Гарсиа беспокойно задвигал головой – он так всегда делал, когда волновался. Сколько воды утечет, пока он добьется расположения сеньориты Каварубия? А в настоящее время нет причин для одиночества, тем более такая нимфа появилась на горизонте – настоящая английская леди! И тут он смутился: бедняга не знал, как начать разговор с очаровательницей, и не получит ли он от ворот поворот, как в случае с Пилар!

А незнакомка изучила карту вин и заказала бокал розового вина. Она отпила глоток и достала из сумочки перламутровый портсигар.

Гарсиа понял, что его час настал, увидев в ее руках тонкую пахитоску. Он резво подскочил к девушке и протянул огонь. Незнакомка подняла на него небесно-голубые глаза, чуть подернутые поволокой, и прикурив, поблагодарила.

– Антонио Гарсиа, торговец из Венесуэлы, – представился он, решив сразу брать быка за рога.

– Из Венесуэлы? – переспросила красавица. – А Вы неплохо говорите по-английски.

– Да я уже месяц живу в этом чертовом городе, холодном и мокром, как гнилое болото, и травлю себя безвкусной едой, – проворчал он, а затем, спохватившись, выпалил, – Да вот только местные девушки очень хороши.

Лицо незнакомки исказило недоумение.

– Вам не понравился Лондон, мистер Гарсиа? – поинтересовалась она.

– Не то, чтобы не понравилось – жить везде можно, но... У нас в Венесуэле жарко, можно круглый год купаться в теплом океане и пить кокосовое молоко. Мне там даже зонтик не нужен, клянусь Вам. И зимняя одежда не нужна.

Гарсиа неожиданно потупился, а незнакомка жестом показала ему на свободный стул рядом с собой.

– Как я завидую Вам, мистер Гарсиа, – вздохнула она, как только Гарсиа уселся за столик, – Вы живете в экзотической стране, купаетесь в океане – как это романтично! А я ничего не вижу, кроме серых стен и непогоды.

Она картинно закатила глаза, а Гарсиа улыбнулся.

– Не хотите ли и Вы назвать свое имя, сеньорита? – осведомился он, подвигая стул ближе.

– Почему же? – повела бровью красавица. – Меня зовут Мари. Мари Бейль.

– Судя по имени, Вы француженка?

– О, да! Я родилась во Франции, но уже давно проживаю в Брайтоне. А в Лондон меня привели дела.

Официант принес заказанное блюдо, и Гарсиа поспешил к своему остывшему ростбифу. Он ел, картинно оттопырив мизинец, резал мясо на маленькие кусочки и успевал перемигиваться с Мари. Читатель уже догадался, что под этим именем вышла на сцену Мэри Келли. А после ужина Гарсиа вызвался проводить новую знакомую: номер красавицы располагался этажом выше.

На следующий день Гарсиа пригласил новую знакомую покататься, и они направились в Кэмден парк. Мэри Келли вспоминала события прошедшего вечера и загадочно улыбалась. И так, мачо последовал за ней, не забыв водрузить на голову сомбреро. В номере он сразу же отбросил приличия и с первобытной силой полез обниматься.

– О, какой напор! – воскликнула Мари. – Но куда же Вы торопитесь, сеньор Гарсиа? У нас впереди вся ночь. Будем наслаждаться ею, как будто мы пьем божоле нового урожая – глоток за глотком, чтобы полностью насладиться букетом.

Она понизила голос и предложила:

– А не выпить ли нам по глотку? У меня есть чудесное французское вино.

Мари выскользнула из его объятий, оставив в руках мачо шелковую шаль. Из дорожного шкафчика она достала бутылку вина и два бокала. Было видно, что мачо не заставит просить себя дважды: кавалер облизнулся и сел в кресло. Переменяя улыбки и словечки, они взяли по бокалу. Мэри во все глаза следила за Гарсиа, как он, поощряемый ее касаниями и ласковым шепотом, допивает бокал до дна – сама она только пригубила – а потом, отставив в сторону пустой бокал кавалера и полный собственный, прыгнула ему на колени, как ласковая кошка.

Проницательный читатель догадался, что шустрая Мэри Келли что-то подмешала в вино. Что она могла подмешать? Ну, конечно, снотворное. Именно поэтому любовные поползновения мачо проходили вяло, словно он отрабатывал давно надоевшую программу, а потом и вовсе заснул в том же кресле.

Его соблазнительница под мощный храп неторопливо обшарила карманы Гарсиа. Ее внимание привлек клочок бумаги – обрывок письма или счета. Чернила расплылись, адрес на печати невозможно было разобрать, и единственное, что удалось прочесть, это «...ндаль и сын». Мэри решила, что это название фирмы.

Опечаленная незначительным уловом, Мэри осмелилась подняться в номер Гарсиа. Он проболтался, что телохранители отдыхают в соседнем номере. Мэри бесшумно повернула ключ в замочной скважине и осторожно вошла внутрь. Документы и деньги лежали в ящике стола – она пересчитала купюры, их было около пятисот фунтов.

Она обратила внимание на то, что часть купюр лежали отдельно, и, ничуть не сомневаясь, положила одну купюру в карман. Не обнаружив больше ничего интересного, Мари вернулась к себе, тщательно закрыв за собой дверь.

Глава 26

Мэри передала Майклу добычу в виде клочка бумаги и денежной купюры. Майкл ожидал большего, но, несмотря на разочарование, не дал понять девушке, что его не устраивает результат. Девушке была выплачена энная сумма, и она могла со спокойной совестью вернуться в Брайтон, но, поразмыслив, решила задержаться в Лондоне.

Во-первых, Гарсиа был нежадным. Он много тратил на свою даму, выполнял все ее капризы. Во-вторых, Мэри засиделась в Брайтоне и соскучилась по сумасшедшей лондонской жизни. А в-третьих, она могла общаться с Майклом, разговаривать с ним, попутно питая тайные надежды.

Оставим Мэри с ее маленькими житейскими радостями и невзгодами, пусть она делает, что хочет. Майкл тем временем исследовал принесенную купюру и мигом определил, что она фальшивая. Выходит, конкурент продолжает «выгодное дело», изготавливая фальшивки. Но почему он всучил эти купюры Гарсиа? Не обманул при расчете за камушки, а именно подсунул, но для чего? Ясно, чтобы мачо продолжал благое дело по распространению фальшивых фунтов в Венесуэле и нашел бы там новые каналы. Скорее всего, именно так...

Теперь обрывок счета – Гарсиа никуда из Лондона не уезжал в последний месяц, поэтому надо поискать в столице. Майкл открыл справочник «Весь Лондон», где в алфавитном порядке были напечатаны фамилии владельцев бизнесов.

Итак, Брендуэл, Вэндэл, Дрэндел, Мэндэл, Рэндэл – в первую минуту Майкл растерялся, не зная, на кого подумать, к тому же Рэндэлов было несколько, а некоторые претенденты имели приставку «и сын». Так, а что за бизнесы – гетры, колониальные товары, ателье, пекарня, печатная продукция, юве...

Ювелирный магазин «Мендель и сын» на Сай-стрит, это уже интересно. Вероятно, имеет смысл наведаться. Кстати, избитый Паркер тоже упоминал Сай-стрит – там случилась эта неприятная история, и со слов бедолаги именно на Сай-стрит его караулили громилы в компании Морстена и Гарсии.

Не стоило туда соваться бездумно и явиться в качестве покупателя скорее всего опасно. В таком случае необходимо вспомнить милые детские забавы, когда он пролезал в любую форточку и открывал любой замок. Правда, сейчас он не в той весовой категории, да и вообще не пристало главарю заниматься рутинной. Громилы тоже не подойдут для этой роли. Он пожалел об отсутствии Мици, которой уже перевалило за тридцать, однако она оставалась такой же хрупкой, какой была в юности.

Неожиданно в голову Майкла пришла идея – подключить к этому делу Марка. Мальчик развился физически в последнее время, а его гибкости мог позавидовать цирковой акробат. Другой вопрос – как преподнести это мальчику?

Оказалось, все не так страшно, и когда Майкл попросил воспитанника помочь ему в одном деле и разъяснил суть этого дела, тот даже не удивился, а спокойно заявил:

– Я давно подозревал, что Вы не просто учитель, мистер Николсон.

– Да? И на каком основании ты сделал подобный вывод? – не изменившись в лице, поинтересовался Уиллоуби.

– Вы одеваетесь стильно. Не думаю, что на жалованье учителя можно купить эти вещи.

– А.. если я из богатой семьи?

– В таком случае, зачем Вам это нужно – возиться со мной за небольшие деньги? Значит, у Вас есть какая-то цель.

Майкл посмотрел на мальчика попристальнее: для него вдруг стало очевидным сходство воспитанника с Морстеном.

– И что ты предполагаешь насчет цели? – осторожно спросил он.

– Я думаю, дело в моем отце. Он занимает какой-то важный пост, и многие хотят ему навредить. А в остальном Вам до меня и дела нет.

Рука Марка подрагивала: он мечтал о таком друге, как мистер Николсон, и боялся, что тот скажет, да, я здесь исключительно из-за твоего отца, но учитель молчал.

– Ты и прав, и неправ, – отозвался Майкл. – Прав в том, что мы с твоим отцом, мягко выражаясь, вовсе не друзья. А неправ, что мне до тебя нет дела. Поверь мне, с тех пор как я начал работать здесь, я привязался к тебе.

Голос учителя дрогнул, и Майкл разозлился на себя: и откуда вдруг вылезла эта глупая сентиментальность?

– Я тоже привязался к Вам, мистер Николсон. Вы единственный относитесь ко мне по-человечески, и я помогу Вам, что бы Вы ни попросили, – растроганно промолвил мальчик.

– А если то, что я предложу, пойдет во вред твоему отцу? – Майкл решил выяснить все до конца и не использовать мальчишку втемную.

Глаза Марка наполнились слезами.

– Но ведь мой отец знал про Вэлша и Шэндона; знал, как они со мной обращаются, и не защитил от издевательств. Он никогда не любил меня, а взял с собой только для того, чтобы досадить моей матери, поэтому я не могу любить его.

Очевидно, он давно размышлял над всем происходящим в его жизни, и выплеснул накопившееся страдание.

– Значит ты согласен? – встрепенулся Майкл.

Мальчик кивнул. Осталась нерешенной еще одна задача: как незаметно покинуть «приличный домик»? Марк легкомысленно отмахнулся – он уже все продумал.

– Меня отправляют спать в девять вечера. Остальные засиживаются до одиннадцати. Ждите меня на станции. В половине двенадцатого возьмите экипаж.

– Да, но как же ты выберешься? Входную дверь запирают, – засомневался мнимый Николсон.

– А это не Ваша забота, – отрезал Марк.

И снова Майкл подумал о сходстве мальчика и Морстена – вот от кого унаследовал мальчик деловую хватку.

Боевое крещение Марка прошло удачно: он проник через форточку в помещение ювелирного магазина Манделя на Сай-стрит и открыл дверь для Уиллоуби.

– Ни к чему не прикасайся, – предупредил тот своего ученика. – Не нарушай порядок.

Марк замер у входа, как статуя, пока его взрослый товарищ обследовал магазин. Его не интересовали драгоценности, он искал... сам не знал, что.

Возможно, это контрабандные камни, доставленные Гарсиа; возможно, какие-то документы. Он разобрал бухгалтерские книги и нашел в них маленький неприметный счет, в котором указывалось, что сеньор Гарсиа продал господину Манделю, ну и так далее, с указанием суммы сделки. Он пролистал сведения за последний год и обнаружил еще несколько сделок с латинскими.

– Похоже, это сеть поставщиков, – размышлял Майкл. – Но как связать все это с Морстеном? А я не сомневаюсь, что это он организовал коридор переправки камней.

Он переписал реквизиты банка и, захватив с собой счета, покинул помещение вместе с Марком.

Утром он послал добытые документы в офис адвоката Хэнстеда с просьбой проанализировать их.

Глава 27

Ночное происшествие не осталось незамеченным: явившийся утром в магазин господин Мандель сразу заметил пропажу некоторых счетов. От его внимания не скрылось то, что исчезли счета, имеющие отношение к южноамериканским «поставщикам» – дело, организованное его патроном мистером Морстеном и приносящее ощутимый доход.

Немедленно дали знать самому главарию, и тот поспешил лично убедиться в истинности изложенных ему фактов – таков был Морстен, он предпочитал видеть все своими глазами. Он обследовал замки, выдвинул ящики, в которых хранились конторские книги и другие бухгалтерские документы; проверил наличность в кассе и драгоценности в сейфе.

Замки выглядели неповрежденными, деньги и драгоценности – нетронутыми. Пропали только бумаги, но какие! По этим бумагам легко можно доказать связь между мачо и Манделем, а кто-нибудь более дотошный дойдет до понимания того, кто стоит за всем этим.

Магистр догадывался, кто лезет в его дела. А он-то думал, что его соперник Барнет успокоился, постарел и потерял былую хватку. Он стал для выпускника Оксфорда таким привычным, чуть ли не родным – во всяком случае, предсказуемым. Если это дело рук Крота, то они сумеют договориться по старой памяти.

К сожалению, существовал еще один человек, грозивший вытеснить из бизнеса и Морстена, и Барнета. Имя этого человека – Майкл Уиллоуби. О нем вспомнил Магистр, услышав сообщение Манделя. Ну кто бы мог подумать, что из дерзкого семилетнего заморыша вырастет самоуверенный мерзавец! Правда, этот наглый щенок оказался весьма талантливым и, попади ему в руки бумаги, он сумеет сделать выводы и повредить криминальной империи. Нельзя забывать, что архив, добытый Бертой, тоже находится в его руках, и, если так пойдет дальше, молодой негодяй станет очень опасен.

Морстена занимал вопрос, где сейчас обретается этот тип. Шпион, крутившийся возле дома Барнета в Кэмдене, доложил, что молодой человек съехал, неизвестно куда. Ни на старой квартире, ни у красотки Пилар, где выпускник Оксфорда встретил его в праздничный вечер Рождества, Красавчик не появлялся.

– Мистика! – поразился эсквайр. – Не придется ли мне обращаться в Скотланд -Ярд за помощью? Мои так называемые сыщики меня разочаровали – этот Уиллоуби исчез, словно никогда не рождался.

Морстен завел разговор с мексиканкой, осторожно расспрашивая о подробностях короткого романа с Уиллоуби, но его вопросы привели даму в бешенство.

– Негодяй! Подонок! Ничтожество! – орала мексиканка, картинно разбрасывая вокруг себя вещи, но следует заметить, что из создаваемого ею хаоса возникал художественный беспорядок.

– Кого ты имеешь в виду? – спросил напуганный ее порывом Морстен.

– Его! Уиллоуби! Да и тебя тоже.

– Меня-то за что?

Пилар размазывала слезы по щекам.

– Все вы так, вы только используете меня, – она судорожно всхлипнула. – А теперь он тебе понадобился?

– Понадобился, – строго сказал эсквайр. – учти, девочка, я с тобой свои дела не обсуждаю. Я лишь прошу помочь.

Твердый мужской голос парадоксальным образом подействовал на Пилар: она всхлипнула напоследок и, вытерев слезы, обреченно спросила:

– Что я должна делать, Чарльз?

Магистр усадил ее на диван и взял ее ладонь в свою. Ее пальцы подрагивали, и он крепко сжал их, чтобы прекратилось дрожание.

– Сходи по тому адресу, где живет его родственник, – предложил он.

– Этот, его дядя, что ли? – Пилар припомнила кое-что из рассказов Майкла о себе.

Морстен кивнул:

– Да, Барнет... его воспитатель. Разузнай у домашних, где находится наш общий знакомый?

Пилар освободила свою ладонь и отодвинулась от собеседника.

– Незавидную же ты мне приготовил роль, Чарльз, – вздохнула она.

Морстен снова приобнял ее.

– Ты же актриса, моя маленькая сеньорита. Что тебе стоит сыграть роль отвергнутой влюбленной, готовой бегать за бросившим ее парнем?

Он дополнил просьбу весомым аргументом – дорогим подарком – и Пилар согласилась.

На следующий день около полудня она приехала в Кэмден и позвонила в дверной колокольчик дома Джереми Барнета. Ей открыла домоправительница и на вопрос о Майкле отозвалась вопросом – ее интересовало, кем незваная гостья приходится мистеру Уиллоуби и почему разыскивает его по этому адресу? Пилар, раздраженная вездливостью этой чопорной англичанки, тем не менее улыбнулась, как можно приятнее, и смущенно проговорила:

– Простите, я не представилась. Меня зовут сеньорита Каварубия. Мы познакомились с мистером Уиллоуби на корабле. Мы вместе плыли из Южной Америки в Ливерпуль. Он просил меня зайти и сообщил Ваш адрес. Если я ошиблась, то простите мне мою рассеянность.

Мексиканка старалась говорить, как можно убедительнее, и по виду миссис Томсон поняла, что та поверила и не намерена углубляться в расспросы.

Пожилая дама вздохнула:

– Он уже две недели не появляется у нас.

– «Не две, а по крайней мере три». – подумала сеньорита Каварубия.

– Я даже не знаю, что Вам сказать. – растерянно продолжала домоправительница. – Может быть, Вы хотите передать ему что-нибудь? Не сомневайтесь, я это сделаю.

– Пожалуй, я написала бы записку, – попросила Пилар.

Миссис Томсон пригласила посетительницу войти внутрь, и мексиканка вступила в небольшую уютную гостиную, главным украшением которой был камин. Будучи южанкой, Пилар постоянно мерзла в зимнем промозглом Лондоне, и сейчас обрадовалась возможности согреться. Она прислонилась к теплой стенке и замерла.

Миссис Томсон достала из шкафчика чернильный прибор и красивый бювар с почтовой бумагой. Пилар поблагодарила и уселась за низкий столик. Домоправительница ей не мешала – она стояла поодаль и изображала жутко занятую особу. На самом деле пожилая дама пристально изучала незнакомку: ее встревожила непривычная знойная красота девушки.

– «Конечно, такая окрутит, кого угодно, – с неприязнью подумала она. – А мой мальчик такой нежный, неопытный... Только бы не вздумал на ней жениться.»

Она вспомнила книгу, прочитанную вчера. Это была детективная повесть о приключениях сыщика Алана Пинкертон о том, как тот разоблачил коварную испанскую графиню, имевшую скверную привычку убивать своих мужей из-за наследства. В последнее время старая дама стала увлекаться подобным чтивом, отодвинув любовные романы на второй план.

Черные, как смоль, локоны; смуглая кожа, гортанный акцент Пилар – в посетительнице все напоминало коварную испанку из книги. Наблюдая за тем, как Пилар с усилием выписывает трудные для нее английские фразы, домоправительница решила прочитать записку прежде, чем она попадет в руки Майкла.

– «Читать чужие письма нехорошо, но кто, кроме меня, позаботится о мальчике? А уж я-то спасу ребенка от этой хитрой лисы,» – подумала миссис Томсон.

В коридоре послышались чьи-то быстрые шаги, дверь распахнулась, и в гостиную влетела покрасневшая хорошенькая девушка, почти подросток. Ева Барнет, услышав звон дверного колокольчика, спустилась полюбопытствовать, кто пришел. Она приехала в Лондон, чтобы провести дома конец недели – повидаться с папой, походить по магазинам и, возможно, встретиться с Майклом: должна же она набрать материала для нового хвостовства перед подругами. Разочарованная отсутствием мнимого возлюбленного, она с нетерпением ждала его возвращения, поэтому неотступно следила за входом.

– Тетушка, к нам кто-то пришел? – весело спросила она и опешила, заметив мексиканку.

Кукольно-голубые глаза Евы встретились с угольно-черными очами сеньориты Каварубия. Девицы смотрели друг на дружку ревниво и оценивающе, и так же, не отводя остановившегося взгляда, молча кивнули.

– Сеньорита Каварубия пришла справиться о Майкле, – заметила домоправительница.

– Вот оно что, – протянула Ева, задирая нос.

– Маленькую сеньориту что-то смущает? – вставая из-за стола и так же задирая нос, спросила Пилар.

– Отнюдь. Мне нет никакого дела до Майкла и его девушек, – ответила Ева. – Их так много было, и не сосчитать.

Она выставила руки по бокам и приблизилась к мексиканке.

– А малышка все же пыталась считать? – не унималась Пилар.

Она тоже подбоченилась и встала напротив Евы. Две девушки, блондинка и брюнетка, ходили по кругу, одна за другой, фыркая, словно кошки. Со стороны это напоминало танец.

Пилар вспомнила, что Уиллоуби рассказывал о маленькой Еве, только разве она маленькая? А та сразу догадалась, кто такая эта сеньорита Каварубия. Но как она осмелилась явиться к ним в дом? Разве Майкл не дал ей отставку?

– Короче, Майкла нет и не будет, – сквозь зубы процедила Ева.

– А Ваша тетя сказала, что будет, и даже вызвалась передать записку, – Пилар с улыбкой сунула свернутый лист бумаги в руки миссис Томсон.

Ева подернула плечами, не сказав ни слова, а мексиканка быстро распрощалась. Единственное, чего она добилась этим посещением – увидела предполагаемую соперницу, и угасшая искра ревности разгорелась снова.

Глава 28

Магистру не понадобились героические усилия со стороны Пилар, чтобы обнаружить убежище заклятого врага. Все получилось само собой в тот день, когда любящий папаша собрался, наконец, навестить отпрыска и осведомиться о его успехах.

Поезд из Лондона прибыл за минуту до того, как к соседней платформе подошел состав, идущий в столицу. Морстен вышел из вагона и остолбенел. Он увидел Уиллоуби. Тот садился в вагон, начавший движение в противоположном направлении. Пассажиры один за другим покидали платформу, а криминальный главарь все стоял и смотрел вслед уходящему поезду.

Шэндон опоздал на несколько минут. Он прибежал, запыхавшись от быстрой ходьбы, и поразился растерянности хозяина – таким он не привык его видеть, во всяком случае нагоняя за опоздание он не получил.

– Все в порядке, мистер Морстен? – спросил дворецкий и взял в руки его небольшой багаж.

– Да, я в порядке. Скажите, Шэндон, Вы ведь знаете всех местных? – Морстен озирался по сторонам, словно высматривая кого-то.

– Знаю, – в недоумении отозвался Шэндон. Интересно, кто мог заинтересовать невозмутимого главаря?

– А... кто этот молодой человек – высокий, с каштановыми волосами, в черном пальто и шляпе?

– Ах, этот... Это учитель Вашего сына, мистер Николсон. Помните, Вы просили нанять учителя по французской борьбе? Я выполнил Вашу просьбу, мистер Морстен.

Главарь лишился дара речи: все время, пока он разыскивал Уиллоуби, этот наглец проживал в его доме, ел его хлеб и каждый день занимался с его сыном. Это было невероятно! Пока Магистр задавался вопросом, что замышляет его соперник, тот уже выполнял свои коварные задумки, прикинувшись бедным учителем.

– Кто принимал на службу этого молодчика? – сердито поинтересовался Морстен, направляясь с платформы к экипажу.

– Я принимал. Не беспокойтесь, босс, мистер Николсон – прекрасный спортсмен, – безмятежно улыбаясь, ответил Шэндон.

Морстен пристально посмотрел на него и сел в экипаж. Дома он едва поздоровался с сыном, а затем собрал всех слуг. Пришел и «Франкенштейн», бессменно охранявший дом.

– А где же Вэлш? – спросил хозяин, осматривая выстроившихся в ряд служащих.

– Его уволил... мистер Николсон, – ответил «Франкенштейн».

– Что же, мистер Шэндон уже не главный над вами? – Морстен окинул недовольным взглядом потупившегося дворецкого.

– Так Вэлш Вашего сына обижал, вот Эдвард ему и врезал, – простодушно ответил тот же «Франкенштейн».

– Он сам стал гувернером Вашего сына за ту же оплату, тут Вы даже сэкономили, – поддакнул Шэндон, старавшийся во что бы то ни стало реабилитироваться в глазах главаря.

Эсквайр помолчал, прикрыв глаза.

– И как он справляется со своими обязанностями? – устало проговорил он.

– Мистер Николсон так натренировал Марка, что теперь он вполне может постоять за себя, – сказал Шэндон. – Я думаю, мистер Николсон для нас просто находка.

И тут разразилась гроза: Морстен стучал ногами, размахивал кулаками и устроил разнос по всем правилам.

– Идиоты! Кретины! Скоты! Деньги мои они вздумали экономить, крохоборы! Кого вы пустили в дом, кого вы наняли учить моего сына, недоумки? Это же мой злейший враг, ослы!

Шэндон, «Франкенштейн» и безмолвные повар с садовником хлопали ресницами и недоуменно переглядывались. Собравшись с духом, слуги дождались паузы в монологе хозяина и принялись дружно каяться и обещали исправиться.

– Мы хотели, как лучше. Он сам нас обманул, – скулили несчастные.

– Ладно, – махнул рукой Морстен. – Но Эдварда Николсона извольте подать мне на блюдечке: я слишком долго искал этого типа, чтобы ждать еще дольше.

На следующее утро мнимый Эдвард Николсон прибыл на занятия со своим подопечным. Они разминались в спортивной комнате, когда в дверь внезапно ворвались Шэндон с какими-то неизвестными головорезами. Молодчики дружно набросились на Майкла, а дворецкий заломил руки рвущемуся на помощь учителю храбрецу Марку.

Майкл ответил упреждающим ударом, а затем резко подался назад, чтобы уйти от кулаков «боевиков». Он сделал обманное движение и в мгновение ока появился за спинами неповоротливых парней. Те даже не сразу заметили это, и противник стукнул обоих под дых, но в этот момент получил удар по затылку.

Стоило ему отключиться на долю секунды, как он обнаружил себя связанным и поваленным на пол. Краем глаза лжеучитель заметил того, кто нанес ему коварный удар: в проеме отворенной двери стоял Морстен – в черном костюме, с белой жемчужной булавкой в галстуке. Бледное лицо заклятого соперника внешне казалось спокойным, а глаза метали молнии. Прижатый к полу Уиллоуби задергался, и кто-то из «боевиков» наступил ботинком на его спину.

Морстен протиснулся вперед и, свысока глядя на лежащего перед ним противника, глухо спросил:

– Что тебя привело в мой дом, Красавчик?

– Т-ты всерьез ж-ждешь, что я т-тебе отвечу? – проскрипел Майкл, с трудом разжимая губы.

– Поднимите его, – распорядился Морстен.

«Боевики» бросились выполнять распоряжение главаря и повисли на Майкле с двух сторон, словно моллюски на днище корабля. Майкл покосился на своего воспитанника, зажатого в тисках рук негодного Шэндона.

– Мистер Николсон, что происходит? – воскликнул Марк.

Он обернулся к отцу, однако тот даже не взглянул в его сторону.

– Так это и есть тот самый учитель, которому вчера вечером ты пел дифирамбы? Что-то не верится, что он может держать удар, – насмешливым тоном сказал Морстен.

– Папа, отпусти мистера Николсона, он всегда был добр ко мне. Ты же не знаешь, как тут со мной обращались, и особенно Вэлш, которому ты доверял. Я никогда не жаловался тебе, но, поверь, мистер Николсон совсем другой.

В глазах мальчика появились слезы. Он дергался, пытаясь освободиться из плена, и плакал от собственного бессилия. Морстен не обращал внимания на попытки сына защитить учителя, он пропустил слова мальчика мимо ушей.

– Ты обнаглел до последней степени, Красавчик, если осмелился втереться в мой дом, – продолжал он, глядя в глаза поверженному противнику. – Ты все сделал, чтобы понравиться моему сыну. Моему! Объясни, зачем это тебе нужно, скотина?

– Это ты – «скотина», Морстен, – с ненавистью произнес Уиллоуби, – Даже скотина заботится о своих детях, а ты предоставил подонкам полную возможность издеваться над твоим сыном – я не узнаю тебя, разве так должен поступать главарь?

– А я тебя прекрасно узнаю, Уиллоуби. Ты задумал похитить моего сына и взять за него выкуп. Кстати, – Морстен поискал взглядом Марка, – Ты снова познакомишься со своим учителем, только его фамилия не Николсон, как он тебе представился, а Уиллоуби, Майкл Уиллоуби, и это мой заклятый враг. Это из-за него я лишился жены... И тебя он обманывал, так что перестань дергаться.

– О Берте лучше молчи, – вскрикнул Майкл. – Ты еще слезупусти, лжец.

– Босс, можно дать ему в морду? – грубым басом спросил один из «боевиков».

Он влез в разговор, чтобы показать личную преданность боссу, кроме того, не хотел упустить возможность поглумиться над связанным врагом.

– Он свое получит, – зловеще пообещал главарь и снова посмотрел на Майкла так, словно хотел просверлить того насквозь. – Ты проиграл, Красавчик. Даже твоему престарелому воспитателю в голову не приходило шантажировать самого Морстена. И ты от меня ни фартинга не дождешься.

– Это я уже понял, – отозвался Майкл. – Ты берешь пример с моего дяди и экономишь на всем. Даже на учителе пытался сэкономить. Ты сам посмотри, кого ты нанял... И где ты их набрал, выпускников Принстонской тюрьмы?

«Боевики» недовольно зароптали.

– Босс, он нас оскорбляет. Можно дать ему в морду? – спросил тот же боевик, а стоящий рядом «Франкенштейн» рубанул кулаком по воздуху.

Морстен тоже махнул рукой: в эту секунду он напоминал дирижера, и голоса подчиненных смолкли.

– Да что вы все «в морду», да «в морду»? – рассердился он. – Я сам изуродую твое лицо, Красавчик, если не ответишь на два вопроса: что ты хотел от моего сына, и где бумаги, которые тебе передала Берта?

– Не смей произносить ее имя, – вскинулся Майкл и обвел взглядом вцепившихся в него «боевиков». – Если бы я не был связан, я бы тебе отомстил за Бертю.

– Кишка тонка, – парировал его враг, а затем небрежно махнул рукой, – Впрочем, ты уже покойник, и никто не боится твоих угроз. Скоро ты встретишься со своей Бертой. На том свете.

Майкл снова дернулся, но получил короткий удар под колени. А Морстен, сочтя разговор законченным, сделал знак Шэндону следовать за ним вместе с мальчиком.

– Босс, а с этим что делать? – спросил Шэндон, тыкая пальцем в Уиллоуби.

– Я допрошу его в своем кабинете, а потом, если он ничего не скажет, бросим в подвал.

Марк отчаянно посмотрел на учителя: он не верил, что мистер Николсон замышлял что-то ужасное против него, но, подталкиваемый сзади Шэндоном, вышел из комнаты.

Как и следовало ожидать, допрос закончился ничем, и разочарованный молчанием Уиллоуби главарь уехал в Лондон, предоставив «боевикам» расправиться с противником.

Глава 29

Связанного поручкам и ногам мнимого Николсона бросили в подвал «пряничного домика». Он очутился в крошечной тьме, холоде и сырости; к тому же больно ударился коленом при падении на каменный пол. Полежав минуту без движения, Майкл почувствовал, как холодный камень вытягивает теплоту его тела, это означало, что через час-другой здесь будет валяться его труп. Постепенно глаза пленника привыкли к темноте, и он заметил, что слабый сумеречный свет льется из вентиляционного отверстия, и в его неверных бликах он стал различать очертания предметов. Каменные стены подвала были липкие и грязные, они пахли водяной гнилью, а на полу ровным слоем лежал ил, в котором Майкл извозил свой костюм.

Воздух, очевидно, все-таки свободно поступал через вентиляцию, потому что пленник не чувствовал удушья. Постепенно он стал задумываться о возможности побега: после того, как разъяренный Морстен пообещал расправиться с ним, это было единственное, что могло его спасти. Уиллоуби вспомнил расположение комнат в доме, местонахождения отверстия, в которое его закинули, и осторожно, держась руками за стены, начал двигаться в направлении налево.

Он сообразил, что, если люк в подвал расположен в коридоре рядом со спортивной комнатой, то каморка Марка должна быть севернее, примерно в трех метрах от входа в подzemелье. Он также вспомнил, что слева и справа от двери спортивной комнаты он заметил вентиляционные отверстия – в нынешнем полумраке они послужат отличным ориентиром.

Пока Майкл Уиллоуби разбирался с новой обстановкой, его подопечный одиноко сидел в своей комнате, покинутый всеми – и отцом, и воспитателями. Он размышлял о случившемся – о том, что мистер Николсон не является таковым, Марк почувствовал неладное в тот момент, когда мнимый учитель попросил его влезть в форточку и открыть дверь магазина на Сай-стрит. Это было всего лишь подозрение, не подкрепленное фактами, а сейчас после сцены, разыгравшейся в спортивной комнате, мальчик задумался о том, что настало время решить, на чьей он стороне – отца, отдавшего его воспитание на откуп негодяям, или мистера Николсона, то есть Майкла Уиллоуби, по словам отца, его злейшего врага.

Злейший враг – это звучит серьезно, однако мистер Николсон был так добр к Марку, поэтому мальчик никак не мог поверить в злонамеренность его поведения. Сказать можно все, что угодно, но никто не доказал Марку, что учитель собирался похитить его и потребовать от отца выкуп – это не вязалось с характером и поведением Майкла.

Марк растерянно перебирал в памяти подробности недолгого знакомства с мистером Николсоном и пришел к выводу, что мистер Николсон был, есть и остается его другом, а друзей не предают, а наоборот, помогают, если те оказываются в трудном положении.

За стенами гостиной компания во главе с Шэндоном играла в карты. Даже «Франкенштейн» оставил свой пост, а железные ворота запер на громадный крюк. Повар, обязанности которого никто не отменял, разрывался между плитой и ломберным столом. Вскоре из кухни потянуло дымом: на плите у незадачливого кулинара что-то горело, и громогласная брань Шэндона стала ему наградой за манкирование обязанностями.

Внезапно Марку послышался осторожный шорох, доносившийся из подвала. Он затаился, решив, что это ему почудилось, однако шорох повторился, и мальчик уже смог определить его источник – маленькое вентиляционное отверстие слева от двери.

В два прыжка Марк придвинулся от дивана к двери. Он лег на пол и прижал ухо к отверстию. Шум ненадолго затих, а затем возобновился снова. Казалось, кто-то осторожно передвигается по каменному полу, шаркая ногами, но иногда делая короткие передышки.

– Эдвард, Эдвард, это Вы? – позвал мальчик. – Это я, Марк.

Через несколько секунд, показавшихся мальчику долгими, словно часы, из глубины подвала донесся слабый призыв:

- Марк, ты слышишь меня?
- Да, Эдвард, я Вас слышу. – обрадовался мальчик.
- Где ты находишься, Марк? – сдавленным голосом поинтересовался пленник.
- Я в своей комнате.
- Ты знаешь, где находится люк? Я должен отсюда выбраться.
- Люк в коридоре рядом с гостиной, а там вся компания засела играть в карты.
- Они надолго засели?
- Боюсь, что да.

Майкл помолчал некоторое время, очевидно, обдумывая сказанное, а затем пожаловался с досадой:

- Я связан.
- Веревкой? – спросил Марк.

Вопрос был излишним: он своими глазами видел, что руки и ноги учителя связали именно пеньковой веревкой.

- К тому же здесь какие-то немыслимые узлы.
- Это морские узлы. Шэндон в прошлом моряк, он умеет их вязать. Я Вам брошу нож.

Но тут их ожидало разочарование: сброшенный сверху перочинный ножичек проскользнул прямо в мягкий ил, и сколько Майкл ни шарил руками, нож исчез, словно его и не бывало.

- Сожалею, у меня больше нет ничего острого, – пожаловался мальчик, – Хотя...

Четко выговаривая слова, он велел Майклу продвигаться вперед еще примерно пять метров. Там, под кухней, располагался винный погреб, где хранились запасы спиртного в бутылках и бочках.

– Бутылки грязные и противные, они лежат в таких гнездах. Разбейте одну и стеклом разрежьте веревки.

- Я так и сделаю. – пообещал Майкл.

Он пробирался вдоль липкой стены, и ориентиром ему служил запах горелого (ах, как вовремя у повара подгорела еда!). Майкл принюхивался, запах чувствовался все сильнее, и вскоре он уперся руками в громадную бочку.

Здесь тоже имелись вентиляционные отверстия, но свет сюда почти не проникал, и по сравнению с местом под комнатой Марка, в винном погребе царила темнота. Глаза пленника долго не хотели привыкать и отказывались различать предметы. В сердце Майкла проснулось отчаяние, смешанное со страхом, однако он встряхнулся, чтобы отогнать непрошенные ощущения, и вскоре овладел собой.

Он выставил вперед связанные руки и стал ощупывать все подряд. Его ждала удача: прямо за бочкой располагалась стойка с бутылками. Майкл облегченно вздохнул. Он разбил одну и осколком стал резать веревки сначала на руках, потом на ногах, и, наконец, освободился от пут.

Его костюм, вывалянный в иле, пропитался разлитым вином, и от него теперь доносился терпкий винный запах, смешанный с запахом тины.

– «Надеюсь, я не разбил что-нибудь редкое и дорогое, – подумал Майкл. – Впрочем, какое мне дело до винных запасов Морстена? Хорошо бы теперь выбраться и сбежать из этого негостеприимного дома.»

Марк не отзывался. И в этот момент, когда в сердце пленника блеснула искорка надежды на благополучный исход, послышался странный шум, доносившийся откуда-то снизу.

- «Неужели в этом проклятом подвале имеется еще один этаж?» – промелькнула мысль.

Он с ужасом ощутил непонятное движение у своих ног, догадавшись, что это бегут от неизвестной опасности подвальные грызуны. Майкл не боялся мышей, но, когда по твоим

ногам скользят хвосты громадных крыс, становится не по себе. Вскоре стихли шаркающие звуки коготков – крысы и мыши свернули куда-то в темноту. Майкл догадывался, что там есть путь наружу, однако то, что подходит для грызуна, не годится для человека.

Наконец открылась причина шума и побега грызунов: Майкл обнаружил, что подвал заполняется водой. Был ли это злой умысел Шэндона и компании, или поломка в водопроводной сети, но вода прибывала, и уровень ее рос с каждой минутой. Вскоре Майкл обнаружил, что вода достигла колена.

– Марк! – в отчаянье позвал он, но сверху никто не откликнулся.

Майкл подумал, что вода прибывает так быстро, что навряд ли он успеет найти дорогу в гостиную, где в коридоре располагался люк. К тому же, где гарантия, что люк не заперт?

– Марк, здесь вода, я тону! – воззвал он снова и услышал тонкий голосок:

– В большой бочке потайной ход.

Глава 30

Пока Майкл Уиллоуби, запертый в подвале, предпринимал отчаянные попытки освободиться, а его воспитанник изыскивал возможность оказать помощь, бандиты развлекались игрой в карты, но в нужное время, оговоренное главарем, один из них в соответствии с приказом открыл сток, и вода начала наполнять подвал. Дело в том, что «пряничный домик» был построен на месте старой водяной мельницы, давно пришедшей в негодность. Жернова разбились, механизм поломался, а система стоков сохранилась в целости.

Раздобыв сведения об этом, Морстен приобрел участок и приказал построить дом, замаскировав в подземелье водные пути. До прибытия Марка «пряничный домик» нередко служил тюрьмой, а те несчастные, кому следовало исчезнуть в небытие, тонули и уносились в Темзу открытыми стоками. Иногда их тела не находили вовсе, однако порой то река, то море выбрасывали утопленников вдали от станции, но ни одному сыщику не приходило в голову связать гибель этих людей с красивым, словно нарисованным, домиком на окраине деревни.

Маленький Марк случайно узнал секрет подвала: Шэндон и компания, подвыпив, не стеснялись присутствия мальчика и открыто говорили о том, что в подвал «снова подавали воду», и о том, что вино можно брать из любого места, кроме большой бочки слева, которая на самом деле – водный сток. Еще до приезда Уиллоуби в тяжелые минуты Марк замыслил побег и обследовал бочку: он надеялся использовать ее в качестве тайного хода.

Побег не состоялся, а знания пригодились, и в тот драматический для Майкла день, когда мальчик расслышал его слабый призыв о помощи, он сообщил о возможности спастись через винную бочку. Узник сделал это вовремя, ибо вода поднялась уже по пояс, когда он сумел, наконец, отодвинуть крышку лежавшей на боку бочки.

Его взору предстала широкая труба, в которую мог пролезть человек средней комплекции. Вода из подвала стала заполнять трубу, и Майкл заторопился: ему нечего было ожидать в подвале, кроме смерти.

Воздух в трубе был свежий и прохладный, и Уиллоуби рискнул предположить, что где-то существует выход наружу, но поток воды становился сильнее и сильнее, и беглец уже продвигался вплавь. Вода поглотила его полностью, и он вынужден был плыть, задержав дыхание и отталкиваясь руками от бетонных стен.

Майклу казалось, что труба не закончится никогда, хотя позже выяснится, что задержать дыхание ему пришлось всего на минуту, но эти драматические шестьдесят секунд продолжались для него дольше суток.

Внезапно его руки перестали ощущать бетон, и, открыв глаза, он увидел, что вода посветлела. Он подтянулся наверх и вынырнул. Поток воды из трубы изливался в речушку, и Майкла вынесло вместе с потоком. Он с наслаждением вдыхал прохладный воздух, наполненный запахами прелой травы, сосновых иголок и морской соли.

Он доплыл до высохших зарослей камыша, и там рискнул вылезти из воды. Одежда промокла до нитки, находиться в ней стало нестерпимо. Майкл наломал сухих стеблей и бросил собранную вязанку себе под ноги. Он разулся и разделся до промокнутого белья, а затем растер кожу этими же стеблями – она покраснела и разгорелась, а по жилам побежало спасительное тепло. Запыхавшийся Марк застал его за выжиманием мокрой одежды.

– О, мистер Николсон, я так волновался за Вас. Я принес Ваши вещи, прихватил из комнаты, как только Шэндон отвернулся, – мальчик протянул ему пальто, шляпу, шарф и портмоне.

Майкл подумал, что не помешало бы чистое сухое белье и костюм, ведь свой он вывозил в грязи, но спасибо и на этом.

– Я не Эдвард Николсон, ты теперь знаешь это, – вздохнул Уиллоуби.

Он поскорее набросил на себя пальто, ежась от пронизывающего февральского холода.

– Да, Вы – Майкл Уиллоуби, но мне к этому нужно еще привыкнуть.

Марк потупился и смущенно затеребил край своей куртки. Глядя на него, Майкл почувствовал, что на него накатывает волна непрощенной жалости к этому ребенку, которому он теперь обязан жизнью.

– Спасибо тебе, Марк, за все, – с запинкой произнес Уиллоуби. – Ты спас мне жизнь, и я об этом никогда не забуду. Ты... был для меня сначала просто воспитанником, учеником, а стал братом.

И в то же мгновение братья обнялись.

– Ты не можешь вернуться назад, Марк. Я боюсь за тебя, эти негодяи могут сделать с тобой все, что угодно, а я этого не допущу, – продолжил Майкл, а затем попросил:

– Помоги мне натянуть на себя эти сырые тряпки. Ах, жалко, часы остановились, пока я плыл в воде, но, судя по солнцу, сейчас около четырех, скоро поезд на Лондон.

– Я... еду с Вами? – осторожно спросил Марк, не веря своему счастью избавления от шайки негодяев во главе с Шэндоном.

Майкл кивнул.

– Конечно, мы сейчас же поедem в Лондон. Моя рубашка мокрая и в грязи, но верхняя одежда, что ты принес, это скроет.

Он с отвращением надел выжатые тряпки, мгновенно прилипшие к телу. Ботинки хлюпали и натирали ноги, и лишь принесенное Марком пальто кое-как спасало ситуацию.

На станции уже собрались пассажиры в ожидании лондонского поезда. Майкл и его воспитанник остановились поодаль возле крайней платформы. Они осторожно оглядывались, предполагая возможность погони.

Наконец, свисток возвестил о прибытии поезда, и беглецы, смешавшись с толпой, вошли в вагон.

Глава 31

Уиллоуби не зря опасался преследователей: несмотря на то, что Шэндон и остальные были поглощены занятой игрой в карты, они обнаружили, что их подопечный Марк не дает о себе знать. Они обшарили весь дом, но мальчишка словно сквозь землю провалился. «Франкенштейн» заглянул в комнату так называемого учителя и не нашел ни пальто, ни шляпы последнего. Он не замедлил поставить в известность Шэндона.

Тот призадумался: в соответствии с обстоятельствами этот мнимый учителяшка должен утонуть в подвале, а не разгуливать по улицам в верхней одежде. Мелькнула шальная мысль: а вдруг этот выскочка обнаружил сток? Нет, невероятно, к тому же со связанными ногами и руками не поплаваешь.

Беспокоило отсутствие этого щенка Марка – как они умудрились его прошляпить? Занялись картами, идиоты... Ведь было заметно, что мальчишка восхищается этим так называемым Николсоном, и даже слова собственного отца на него не повлияли.

Шэндон отправил двух «боевиков» проверить подвал, и те вернулись, сообщив, что вода сошла через сток, в подвале никого нет, а на полу валяется разбитая винная бутылка.

Бандиты незамедлительно бросились в погоню. Выйдя за ворота, они разделились на две группы: одна обследовала течение ручья, куда впадала труба, а вторая прибыла на железнодорожную станцию. Первой группе удалось обнаружить следы беглецов – поломанный и помятый камыш, оторванную грязную манжету и несколько мелких монет, втоптаных в грязь.

Второй группе повезло меньше: платформа пустовала, а поезд на Лондон отошел десять минут назад. Билетный кассир неуверенно сообщил, что, вроде бы молодой человек и мальчик купали билеты и уехали ближайшим поездом.

Шэндон закрипел зубами от досады: упустил! Что скажет главарь, когда узнает? Он называл этого Уиллоуби злейшим врагом – между ними имеются давние счеты. А теперь, упустив лжеучителя, Шэндон рискует навлечь на себя «монарший» гнев.

Отправив домой «Франкенштейна» и повара, (кто-то ведь должен остаться в «пряничном домике» и продолжить выполнять свои обязанности), дворецкий и остальные последовали за беглецами в Лондон. Бандит рассуждал так: доклад главарю об их промашке подождет, а они постараются все исправить.

Если Уиллоуби похитил сына Морстена с целью выкупа, то похититель сам свяжется с главарем, и не дай Бог кому-нибудь попасть ему под горячую руку в этот момент! Сам Шэндон считал эту версию наименее вероятной и рассматривал ее скорее теоретически, но вторая версия выглядела правдоподобной: это не мнимый учитель похитил ребенка, а ребенок помог ему в побеге и ушел с ним добровольно.

Встает вопрос, куда? Затеряться в большом городе не составит труда, но должны же беглецы где-то заночевать, есть, пить, переодеться, наконец... Если одежда этого Николсона испачкана и изорвана, его остановит первый же полицейский.

Магистр рассказывал, что его злейший враг недавно приплыл в Англию из Южной Америки и поселился в доме дяди в Кэмдене. Шэндон прекрасно ориентировался в этом районе: здесь селились семьи низкого и среднего достатка, и много лет назад здесь имел честь появиться он сам.

В Лондоне он направился на стоянку кэбов и поинтересовался, не садился ли к кому-нибудь в экипаж мужчина в грязной одежде и мальчик лет двенадцати. И снова его постигла неудача: эту запоминающуюся парочку никто не видел! Шэндон призадумался – Уиллоуби ускользнул, и он не представлял, что делать дальше и как предстать перед хозяином?

Внезапно его осенило: рано или поздно этот тип вернется к себе домой, вернее, в дом дяди, а это означало, что проклятого Уиллоуби можно подкараулить где-то поблизости. Память

услужливо подсказала ему номер дома – об этом в сердцах упомянул сам Морстен, когда узнал, кто поступил в учителя к его сыну.

– Кэб! – вскричал Шэндон.

Бандиты, не мешкая, отправились в Кэмден «организовывать засаду».

Поздним вечером зажглись газовые фонари, их свет отражался в лужах, подернутых хрупким ледком. За низкими каменными ограждениями кое-где пробивалась зеленая травка, земля на клумбах была взрыхлена для посадки однолетних цветов, а кусты во всех садиках были одинаково подстрижены, и спрятаться за ними было невозможно.

Дом Джереми Барнета ничем не выделялся в ряду себе подобных, лишь входная дверь, выкрашенная дрянным суриком, делала его заметным. На противоположной стороне улицы притулились несколько магазинчиков, пекарня, парикмахерская и скудный по-зимнему сквер с парой отсыревших скамеек.

На одной скамье уже восседала компания, по виду «дети рабочих окраин» – шумные и полупьяные, одетые в соответствии с царившими в их среде представлениями о шике. Главной фишкой являлось короткое полупальто, яркие шарфы и неизменные кепи, клетчатые, в крапинку и в полоску, приплюснутые и широкие. Молодые люди сосредоточенно осваивали благородную игру в шахматы, путались в фигурах и ходах, и постоянно спорили по любому поводу.

Соседство не понравилось Шэндону, однако выбирать не приходилось, и вновь прибывшим ничего не оставалось, как занять вторую скамейку. Шахмат у них не было, не было даже завалящих карт, и постепенно «боевики» заскучали. Никто не выходил из дома и не входил внутрь, и лишь в окне промелькнуло задорное личико совсем юной девушки.

Наконец, они догадались принести булочки из местной пекарни, взяли газеты у разносчика и по очереди посетили парикмахерскую.

Вскоре стемнело настолько, что играть в шахматы стало невозможно, и соседи, сложив доску и собрав фигуры, тоже сбегали за булочками – кажется, они тоже не собирались уходить.

Лишь через два часа, проведенных в напряженном ожидании, в поле зрения появилась высокая нескладная женщина, одетая ярко и безвкусно. Она подъехала к дому Барнета в кэбе и, отпустив его, энергично постучалась в дверь. Рассмотреть ее лицо и не выдать свои намерения, оказалось невозможно, также неясно было, кто открыл даме дверь. Вроде бы у входа произошла небольшая заминка, но в итоге гостью впустили.

Внезапно Шэндон заметил, что за домом наблюдают и соседи, с аппетитом уминающие булочки. При появлении дамы они прекратили жевание и стали поочередно толкать друг друга локтями, кивая в сторону незнакомки.

Один из них, по виду главный, повернул голову в сторону Шэндона и компании и удивленно промычал:

– А это тут чего?

И тут все встало на свои места: обе группы имели в этом квартале один и тот же интерес – они следили за домом жадины Крота. После секундного замешательства оба главаря засвистели в два пальца, и команды выстроились для боя стенка на стенку.

Глава 32

А что же наши беглецы? Они добрались до Лондона в вагоне второго класса без приключений, а дальше разделились: Майкл предполагал, что их колоритная группа запомнится, и преследователи без труда разыщут их. Он написал записку своим приятелям в «Веселой лошади» с просьбой приютить на время мальчика и дал ему подробные инструкции, как доехать и к кому обратиться. Марк отправился пешком, так как нужный адрес находился в соседнем квартале.

Майкл ни секунды не сомневался в том, что Шэндон, обнаружив побег, последует за ними в погоню. Вопрос был лишь в том, когда бандиты соизволят оторваться от карт, ведь игра бывает так заразительна! Ну, допустим, бандиты приедут в Лондон, а дальше?

А теперь возникают варианты: либо они явятся с повинной к Морстену, и тот попытается их схватить у дома Джереми, либо Шэндон, имея на руках адрес Барнета, тоже будет караулить их с Марком в Кэмдене, желая скрыть от главаря собственную оплошность.

Возвращаться в Кэмден было опасно, но становилось жизненно необходимо избавиться от грязной и мокрой одежды, пока он не подхватил воспаление легких.

Майкл шмыгнул носом: кажется, насморк его все-таки достал! Еще не хватало разболеться в такую сырую погоду! Кроме того, мокрая одежда причиняла массу неудобств, а ноги застыли так, словно он ходил по льду. Наконец Майкл сообразил, к кому может прийти и попросить помощи: Пилар жила неподалеку в отеле, и к ней он проберется незаметно, запутанными проходными дворами. Черное пальто снаружи выглядело прилично, хотя внутри основательно отсырело и от холода – увы! – не спасало. Медлить было нельзя, Майкл повернул в сторону отеля, а четверть часа спустя уже входил в нарядный холл.

Пилар открыла дверь номера и замерла. Приход Майкла стал для нее полной неожиданностью, кроме того, он появился в таком виде, словно его только что вытащили из воды. Отсыревшее пальто скукожилось, на костюме и рубашке виднелись следы грязи, к разбухшим ботинкам прилипли сухие травинки и частички речного ила.

Мексиканка всплеснула руками:

– Что с тобой, Майкл? Ты вроде бы уже и дорогу ко мне позабыл, а сейчас явился, как будто тебя пытались утопить.

– Меня действительно пытались утопить, – ответил Майкл, дрожа всем телом. – Я спасся чудом. Могу я войти?

– Входи, – она уступила дорогу, и молодой человек поспешил к камину.

Пилар захлопнула дверь и последовала за ним. В комнате она достала из буфета бутылку рома, принесенную Гарсиа (впрочем, мачо уже успел выпить половину ее содержимого), и наполнила стакан до половины.

– Выпей, согрейся, – она протянула ром нежданному гостю, и тот выпил, поморщившись.

Пилар была озадачена, ведь она уговорила себя забыть неверного англичанина, и, кажется, преуспела в этом. И надо же – он приходит, как будто в трудную минуту ему не к кому обратиться во всем Лондоне. Что ж, может быть, она поторопилась, и роман не закончился, а только временно приостановился, и с этого странного происшествия их отношения возобновятся?

Она выжидательно смотрела на Майкла. Он поймал ее взгляд и продолжил:

– Я спасся чудом, Пилар. Мне некуда идти, меня ищут. Помогите мне, Пилар, хотя бы в память нашей дружбы, помогите.

Если бы он был немного повнимательней, он заметил бы, как потускнел ее взор, и медленно погасли разгоревшиеся при его появлении огоньки надежды. Тем не менее Пилар кивнула в знак согласия.

Майкл совершил фатальную ошибку, назвав их отношения дружбой, и Пилар не собиралась прощать ему ни разбитого сердца, ни дурацкой оговорки.

Внутри мексиканки все кипело: так принизить ее чувства!

– «Ты мне ответишь за это. Я тебе устрою такое... Я тебя... убью!» – думала она, а сама в это время ободряла Майкла, хлопотала вокруг него, готовила горячую ванну и доставала чистые полотенца.

– Я не спрашиваю, что с тобой случилось, ты мне потом расскажешь, если захочешь. А пока иди, отмокай, – Пилар кивнула в сторону ванной комнаты.

Оттуда шел пар и витали запахи дорогого мыла. Порозовевший от рома Майкл поднялся, взяв из рук Пилар купальный халат. Он был смущен заботой бывшей возлюбленной, хотел поблагодарить ее, по почему-то медлил.

– Иди, – подтолкнула его Пилар, изобразив недовольство. – Иди, вода остынет. А о твоей одежде я позабочусь.

Она подтолкнула Майкла к двери, и, как только он вошел в ванную комнату, оглядела все вокруг.

А Майкл в это время с наслаждением опустил в горячую воду и принялся смывать с себя грязь. Он, не спеша намыливался, нырял в воду, а затем долго лежал без движения. Он закрывал глаза и размышлял о случившемся и боялся только одного: как воспримет Джереми появление сына заклятого соперника.

Про себя он решил, что, даже если это не понравится боссу, он не бросит мальчишку на произвол судьбы. Довольно мальчик настрадался от невнимания родного отца и издевательств так называемых воспитателей. И потом, разве семилетним ребенком он сам не остался сиротой и не очутился на улице? Страшно подумать, что могло бы случиться с маленьким беспризорником, если бы не Джереми. Теперь настала его, Майкла Уиллоуби, очередь отдавать долги. Он не сомневался в том, что ребята из «Веселой лошади» позаботятся о его приятеле, и на ближайшую ночь у Марка будет крыша над головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.